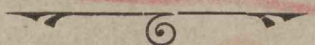

В. Робертъ

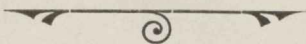

НАШЪ СѢВЕРЪ.

А. 16950.

В. Робертъ.

Лисъма съ Мурманна

1902—1904

и

прочія статьи.

Ревель 1905.

AR

Fr. R. Kreutzwaldi
nim. ENSV Riiklik
Raamatukogu

56787

Письма съ Мурмана.

I.

Важное для Россіи, строго соблюдающей всѣ посты и издавна привыкшей къ рыбной пищѣ, значеніе рыбныхъ продуктовъ, внѣ всякаго сомнѣнія; рыба составляетъ не только существенное подспорье въ народномъ продовольствіи, но и является необходимымъ блюдомъ во всѣхъ вообще слояхъ нашего общества. По статистикѣ извѣстно, что одна Россія потребляетъ больше рыбы, чемъ вся Европа вмѣстѣ взятая, при томъ не одну, добываемую въ собственныхъ водахъ, во всѣхъ разнообразныхъ ея видахъ, но также и выписываемую въ огромномъ количествѣ въ видѣ консервовъ изъ заграницы, — до присылаемой къ намъ новержцами, шотландцами и голландцами селетки включительно. Хорошо, что цѣны на эту общеупотребляемую рыбку рѣдко подвергаются значительнымъ колебаніямъ и она пока каждому доступна; но отечественные источники къ сожалѣнію бѣднѣютъ съ поразительной быстротой и угрожаютъ въ недалекомъ будущемъ оставить насъ на полномъ «безрыбьи». Обильныя рыбовмѣстилища юга, недавно еще казавшіяся неистощимыми, уже почти изсякли; бокатое Каспійское море съ Ураломъ и Волгой оказываются теперь, сравнительно съ прежнимъ, пустоводными, не лучше обстоятъ

дѣла въ этомъ отношеніи и въ Донскомъ бассейнѣ а Ладожское и Чудское озера снабжаютъ свѣжей рыбой только свои окрестности и частью столицу. Такъ-что послѣднимъ на очереди остается богатѣйшій и, какъ нѣкоторые авторитеты утверждаютъ, дѣйствительно неистощимый резервуаръ рыбнаго царства, необозримый и глубокий Ледовитый океанъ со всѣми впадающими въ него крупнѣйшими водными артеріями, заливами, безчисленными, бухтами и бухточками.

Надо полагать, что въ скоромъ времени „общее вниманіе“ невольно устремится, къ нынѣ забытому, сѣверу, какъ единственному непочатому рыбному запасу родины. Но кромѣ рыбы тутъ еще сохранились нескончаемые лѣса въ дѣвственной нахмуренной красѣ, полные пушной и пернатой дичи, а въ нѣдрахъ почвы всевозможными ископаемыми, не исключая и благородныхъ металловъ, — и сѣверъ терпѣливо ждетъ предприимчивыхъ дѣятелей.

Треска, какъ господствующая здѣсь въ количественномъ отношеніи, была и остается самой для всѣхъ доступной рыбой, хотя она пока еще въ полномъ пренебреженіи, но въ ближайшемъ будущемъ она несомнѣнно займетъ подобающее ей мѣсто и даже на столахъ взыскательныхъ гурмановъ. Пресловутой трескѣ предстоитъ пройти всѣ фазисы краткой, но весьма назидательной исторіи, какъ нѣкогда очень дешевой астраханской селедки, или какъ ее именовали „астраханки.“ Исторія эта поучительна во многихъ отношеніяхъ въ особенности нынѣшнему поколѣнію. Цитируя по памяти я передамъ ее вкратцѣ.

Споконъ вѣка „астраханко“ водилась и множилась безмятежна въ каспійскихъ водахъ; всѣ это прекрасно знали, но никто не отважился

быть первымъ, дабы начать ее эксплуатировать. Наконецъ, изъ Москвы явился какой-то практикъ и принялся, никому не нужную, селедку ловить, — понятно въ миниатюрѣ, лишь для вытапливанія изъ нея жира, а за нимъ сейчасъ-же цѣлая гурьба подражателей, — и дѣло стало развиваться. Затѣмъ, около десятка лѣтъ спустя нашелся второй болѣе сообразительный и дерзнулъ впервые ту-же селедку солить и продавать ее, какъ годную въ пищу рыбу. Последнее предпріятіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, и храбрый новаторъ сталъ наживать изрядные барыши. Такой неожиданный результатъ произвелъ сенсацию на всю Астрахань: всѣ, какъ наэлектризованные мигомъ зашевелились и гуртомъ нахлынули на несчастную «астраханку». Мѣстные, десятки лѣтъ дремавшіе, богачи немедленно приобрѣли массу снастей, соорудили цѣлый подвижной составъ, привезли тысячами рабочихъ обоево пола, и общими силами началось поголовное истребленіе «вновь» открытой рыбной породы.

Этотъ фактъ наглядно доказываетъ насколько недалъновиденъ, анатиченъ и трусливъ нашъ доморощенный дѣлецъ. Онъ подолгу сидитъ на своемъ капиталѣ, спокойно срѣзываетъ срочные купоны и ждетъ случая чтобы броситься на что-нибудь но на «готовое», самъ уже не догадывается и даже не рискуетъ хотя бы ничтожной поддержкой понимающихъ дѣло энергичныхъ труженниковъ. Вотъ причина, почему зачастую самые приыльные дѣла или вовсе покоятся втунѣ, или-же попадаютъ въ руки иностранцевъ, съ которыми потомъ уже трудно конкурировать. На сей разъ золотое руно осталось исключительно въ обладаніи мѣстныхъ воротилъ; дѣло закипѣло, всѣ начали ловить, солить и разво-

зить вновь открытую астраханскую селедку. Но какъ они ловили и солили—мы увидимъ далѣе :

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ самую завидную для астраханскихъ ватагъ эпоху, мнѣ довелось работать у крупнаго мѣстнаго рыбопромышленника и воочію наблюдать какому варварскому обращенію подвергалась, хищнически преслѣдуемая селедка. Съ начала апрѣля до наступленія запретнаго періода т. е. 15 мая, каспійская сельдь, слѣдуя своему естественному влеченію, стремится по всѣмъ рукавамъ Волги вверхъ по теченію немовѣрно густыми стаями (косяками) метать икру. Вотъ тутъ ее и перехватываютъ и по возможности до единой. Расположившись *vis-à-vis* на обѣихъ берегахъ одного изъ рукавовъ Волги, двѣ большія артели ловцовъ, имѣя въ своемъ распоряженіи по пяти неводовъ каждая, выметываютъ ихъ симметрично другъ противъ друга съ обѣихъ сторонъ такъ, что всѣ, одновременно лежащія въ водѣ, десять неводовъ совершенно заграждаютъ рѣку во всю ея ширину; а выше тоней, колесный пароходикъ непрерывно совершаетъ рейсы взадъ и впередъ поперекъ рѣки, дабы тормозить, сильно напирající снизу, ходъ рыбы и помѣшать ей проникнуть выше, мимо неводовъ. На мое замѣчаніе, что подобные приемы при рывной ловлѣ запрещены закономъ, я получилъ лаконическій отвѣтъ: »Запреты пишутся для грамотныхъ«.

Первый, къ берегу лежащій, неводъ притягиваютъ, чтобы рыбой »сгустить« воду, а калмыки, въ кожаныхъ одеждахъ, стоя по поясъ въ водѣ, вычерпываютъ »товаръ« изъ рѣки прямо въ лодку; манипуляція эта продолжается до тѣхъ поръ пока сѣтянная черпалка »беретъ«; затѣмъ наступаетъ краткая пауза; первый не-

воду вытаскивается за одно крыло на берегъ, чтобъ вновь закинуть его дальше послѣдняго, а второй притягиваютъ на его мѣсто и опять приступаютъ къ вычерпыванію. Такимъ-же порядкомъ производится ловля, т. е. вычерпываніе рыбы изъ воды и на противоположномъ берегу, непрерывно — денно и ночью. Наполненные селедкой лодки причаливаютъ къ берегу, а затѣмъ она увозится на тачкахъ въ ледники (выхода) и поступаетъ въ солку. Въ ледникахъ устроены глубокія квадратныя ямы, кругомъ обшитыя деревяннымъ срубомъ и такимъ же поломъ, вродѣ избы безъ потолка. Въ эти ямы вываливается изъ тачекъ подвозимая сельдь, а въ глубинѣ работаютъ женщины въ мужскихъ одеждахъ, укладывая селедку въ ряды. Тутъ онѣ своими грязными ногами топчатъ по товару тутъ они завтракаютъ, оставаясь въ ямѣ цѣлыми упряжками, пока она наполнится, ставя тутъ-же преспокойно свои скромные «памятники» (*cactus naturalis*) и все прочее на «удобреніе» астраханки. Наконецъ, въ іюлѣ начинается извлеченіе изъ ямы, уже готоваго соленого товара, и укладка его въ бочки, полагая на три посуды не менѣе тысячи сельдей, а чтобы означенное количество умѣстилось, кучей наполненные бочки ставятся подъ прессъ и товаръ вдавливается въ посуду механической силой, до такой степени, что узъ раскрывшихся фугъ посуды брызжетъ наружу и разсолъ и всѣ лучшіе соки «астраханки».

Послѣ укупорки бочки грузятся на баржи и отправляются на буксирѣ вверхъ по Волгѣ, большею частью на нижегородскую ярмарку; но въ продолженіе трехнедѣльнаго пути, подъ пылающими лучами южнаго солнца, — посуды высыхаютъ и изъ нихъ вытекаетъ послѣдній

разсолъ (туслукъ), такъ что сельдь, до достиженія цѣли своего далекаго путешествія совершенно обсыхаетъ и сплошь покрывается ржавчиной. Прибывшая, наконецъ на ярмарку многочисытавшая астраханка, въ видѣ коричневой, тощей и съ сильнымъ душкомъ, рыбки, поступаетъ въ продажу. Единственной въ то время потребитель сего въ корень испорченнаго товара, нашъ неприхотливый простолюдинъ, впрочемъ не долго имъ питался, теперь блаженной памяти «астраханка» ему улыбнулась и надо полагать на всегда; она причислена къ высшему сорту товара и цѣна ей теперь не три копѣйки, а двугривенный за каждую штуку. Само собой разумѣется, что и прочія дорогія породы каспійской рыбы постигла та-же участь. Стерлядь, бѣлуга и икра отъ нихъ цѣнятся уже на вѣсь золота и доступны однимъ только богачамъ. Такъ безумно, не щадя своего-же добра, распоряжались не «арендаторы, а владѣльцы собственныхъ, водъ на низовьяхъ Волги». Иные изъ нихъ дѣйствуя съ безпримѣрной энергійей, съ лихорадочной поспѣшностью «вычерпывали» до полумилліона рублей чистаго годового дохода. И что-же? Деньги съ такими же рвеніемъ и быстротой тратились, какъ онѣ добывались: капиталы переводились немедленно на модные курорты заграницу, объемистые куши проигрывались на рулеткѣ, «между дѣломъ напаивали извозчичьихъ клячъ шампанскимъ высшей марки и пр. Надо же было и тогда храбрѣйшему Россу показать свою широкую натуру, выдѣлиться изъ общей массы и хоть чемъ нибудь міръ удивить. Но недолго суждено имъ было блаженствовать. Естественныя послѣдствія такого безобразнаго хозяйничанья незамедлили обнаружиться:— «астраханки» не стало и съ нею всѣ спасовали.

Теперь эти герои печальнаго образа, крупные и мелкіе истребители рыбныхъ массъ, уныло сидятъ на пустынныхъ берегахъ милой матушки Волги, еще недавно, какъ изъ рога изобилія, щедро обогатившей ихъ своими цѣнными дарами, сидятъ, глядя въ мутныя волны тощей рѣки и горько плачутъ: ахъ, того что миновало, никогда не воротить!

Въ свое время люди науки и компетентные спеціалисты и устно, и печатно напрасно твердили имъ, что законы природы неумолимы, ихъ нельзя нарушать безнаказанно; что въ глубинѣ каспійскаго моря содержится огромный живой капиталъ и слѣдуетъ, строго охраняя основные ресурсы, пользоваться лишь приличными отъ него процентами; что уничтожая икряную рыбу, они убиваютъ свою, несущую золотыя яйца, гусиню. уподобляясь умышленнымъ расточителямъ дѣтскихъ и сиротскихъ имуществъ; что такъ дѣйствуютъ антипатріоты, опустошающіе дерзкой преступной рукой богатый, живой родникъ, по праву принадлежащій всей націи и его потомству, какъ истые враги отечества, систематически подрывающіе экономическіе основы государства... Но всѣ основательные доводы солидныхъ друзей родины не имѣли на оглохшихъ, не знающихъ предѣловъ человѣческой жадности, ни малѣйшаго воздѣйствія. Такъ печально кончилась свѣтлая эта астраханскихъ рыбныхъ промысловъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ канула въ вѣчность видная и выгодная отрасль комившая цѣлый край. Къ общему прискорбію приходится сотый разъ отмѣчать, что и нынѣ вся земля русская, вдоль и поперекъ, усѣяна подобными-же и пришлыми и доморощенными, чтобы не сказать хуже — опасными паразитами! Оставимъ югъ и тяжелыя объ немъ воспомнанія и вернемся

опять на осиротѣлый, всѣми забытый сѣверъ. Здѣшнихъ, сравнительно малочисленныхъ рыбо-промышленниковъ, приходится обвинять какъ разъ въ противномъ, т. е. въ полномъ бездѣйствіи. Но объ нихъ я не разъ еще побесѣдую, а пока сообщу нѣкоторыя подробности о такомъ же не-деликатномъ обращеніи съ треской, ни мало не лучшей, чѣмъ съ только что описанной, безвре-менно погибшей въ волжскомъ бассейнѣ „астра-ханкой“. Между техникой промысла на югѣ и здѣсь существуетъ значительный контрастъ; тутъ работаютъ не въ рѣкѣ, а въ открытомъ Ледовитомъ океанѣ; ловля трески производится съ рискомъ и большими затрудненіями; треска водится на днѣ моря и се приходится доставать исключительно удобнымъ способомъ переметами (ярусами) изъ глубины до двухъ сотъ сажень, притомъ въ 30—40 верстахъ отъ скалистаго берега. Укладывать треску въ бочки находятъ излишней роскошью; ее кидаютъ прямо въ трюмъ корабля, поднимающаго 20—30 тыс. пуд. Засоль-щикъ и прочая команда прогуливается по рыбѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, пока нагрузится судно къ отправленію въ Петербургъ. Разумѣ-ется такое варварское обхожденіе съ съѣстнымъ продуктомъ уничтожаетъ въ его добрыя каче-ства, не говоря уже о непозволительныхъ сани-тарныхъ условіяхъ; такъ что по прибытіи въ Петербургъ, у Сальнаго буяна выгружается не треска, а жесткая вонючая древесина. Въ рукахъ нашихъ небрежныхъ, неумѣлыхъ, непонимающихъ собственнаго интереса, торговцевъ, она за сотни лѣтъ не можетъ достигнуть той репутаціи, ко-торую она безусловно заслуживаетъ. Межъ слѣпыми и одноглазый является королемъ—гово-ритъ Гейне, но треска пока еще не дождалась того, хоть полузрячаго коновода, того первого

практика, который бы ее оцѣнилъ по достоинству, показалъ-бы близорукимъ и коснымъ рыбороторговцамъ тотъ-же примѣръ съ астраханской. Здѣсь на сѣверѣ было-бы умѣстно форсировать рыбно-промысловое дѣло, сюда слѣдовало-бы направить всѣхъ рыбаковъ Имперіи, на всѣхъ-бы достаточно хватило и работы, и добычи, не опасаясь истощенія океана. Во первыхъ потому, что треска мечетъ икру въ февралѣ и мартѣ, а въ эту пору заниматься ловлей у насъ некому. (Въ Норвегіи — запретное время), во вторыхъ истребленіе какой-бы то ни было рыбной породы удобнымъ способомъ — физически невозможно, въ-третьихъ, это подтверждается вѣковымъ опытомъ, ибо у береговъ острова Ньюфаундленда работаютъ ежегодно до сорока тысячъ ловцовъ и за сотни лѣтъ средній уловъ трески остается безъ измѣненія; и въ четвертыхъ, само Каспійское море, если его сравнить съ всемірнымъ океаномъ, кажется лишь маленькой лужей.

II.

Посѣтивъ въ сентябрѣ 1902 года Архангельскую рыбную ярмарку, я былъ пораженъ привезенной въ огромномъ количествѣ изъ Норвегіи трески, которую оптомъ продавали по 70 коп., а въ концѣ ярмарки — 60 коп. за пудъ; тѣмъ не менѣе до полумилліона пудовъ рыбы осталось не проданной.

Причина такого явленія кроется прежде всего въ томъ, что торговаго люда расплодилось здѣсь слишкомъ много, тогда какъ количество мѣстныхъ рыбопромышленниковъ съ каждымъ годомъ, къ прискобію, все уменьшается.

Каждый поморъ, обладающій даже самымъ

маленькимъ суденышкомъ, нагружаетъ его взятымъ отъ архангельскихъ купцовъ въ кредитъ хлѣбомъ и, въ чайныи легкой наживы, спѣшить отплыть въ Норвегію, дабы раньше другихъ поспѣть обратно, — ко времени открытія въ Архангельскѣ ярмарки. Но чѣмъ болѣе тихихъ наивныхъ поморовъ отплываетъ въ Норвегію, тѣмъ выгоднѣе это норвежскимъ рыбакамъ и купцамъ, такъ какъ безъ посредства послѣднихъ русскимъ покупателямъ рыбу не продаютъ. Норвежцы до тонкостей изучили всѣ большыя мѣста нашей примитивной коммерціи и къ тому же они получаютъ изъ первыхъ рукъ всѣ необходимыя свѣдѣнія (отъ живущихъ на Мурманѣ, субсидированныхъ нашей же администраціей, своихъ земляковъ) о размѣрѣ ловли, о существующихъ на нашемъ берегу цѣнахъ на рыбу, а также ежедневно имъ сообщаетъ телеграфъ о количествѣ приходящихъ въ шхеры Финмаркена русскихъ поморскихъ судовъ; такъ что степень спроса на рыбный товаръ имъ въ точности известна и вслѣдствіе этого, всѣ шансы, въ смыслѣ совершенія выгодныхъ торговыхъ сдѣлокъ, оказываются на сторонѣ Норвежцевъ. — Какъ очевидецъ, могу констатировать къ какимъ уловкамъ и уверткамъ прибѣгаютъ опытные норвежскіе продавцы и какой непрактичной тактики держатся наши поморы при покупкѣ рыбы въ Норвегіи. Норвежецъ у себя дома и якобы ни въ чемъ не нуждается, а русскій прибываетъ къ нему и ищетъ купить рыбы, притомъ, въ простотѣ душевной, не скрываетъ, что время для него дорого, необходимо спѣшить покупкой рыбы и соли, дабы скорѣе нагрузить судно и вернуться къ ярмаркѣ обратно въ Архангельскъ. Весьма понятно, что торопиться вовсе не въ интересахъ продавца, ибо мѣстные купцы поку-

паютъ у него и такъ весь уловъ по существующей въ каждый данный моментъ биржевой цѣнѣ и всегда за наличную плату, такъ что онъ съ прїѣзжими можетъ совершенно хладнокровно торговаться.

— „Продай мнѣ рыбу“, — уговариваетъ его русскій поморъ.

— „Нѣтъ“, — возражаетъ норвежець, — мы теперь на деньги не продаемъ: — „Ну, такъ мукой бери“, — продолжаетъ его увѣщевать поморъ. — „Нѣтъ, въ мукѣ мы тоже не нуждаемся, а вотъ если-бы досокъ привезъ сосновыхъ, бурсевъ да планокъ, тогда бы дѣло у насъ состоялось“. Норвежець, зная, что именно этого товара у помора не имѣется, флегматично отъ него отворачивается, оставляя изумленнаго помора съ деньгами въ карманѣ да съ грузомъ дорогаго хлѣба въ самомъ незавидномъ положеніи.

Въ каждомъ крупномъ становищѣ восточной части Норвегіи стоятъ обыкновенно на якорѣ по нѣсколько русскихъ парусныхъ судовъ, а въ нѣкоторыхъ даже десятками и тутъ дѣло принимаетъ уже характеръ не обычной торговли, а скорѣе азартной игры и безобразнаго аукціона: одинъ поморъ перебиваетъ другого и норвежець продаетъ свою треску преспокойно за двойную цѣну. Съ одного судна кричатъ прибывшимъ съ моря норвежскимъ рыбакамъ: — „Даю пудъ муки за пудъ рыбы!“ съ другого — „Пудъ то фунтовъ!“ и т. д. И это при номинальной цѣнѣ отъ 6—7 ёри за кило, т. е. около 55 коп. за пудъ рыбы, тогда какъ мука обходится нашему помору не менѣе 95 коп. за пудъ, затѣмъ надо считать отъ 15—20 пудовъ соли (на сто), около 17% утечки, фрахтъ изъ Норвегіи до Архангельска, со всѣми сопряженными съ нимъ по-

бочными расходами и въ результатѣ получается рыба, не дешевле ловленной на нашемъ Мурманскомъ берегу.

— Очевидно, что существующія между торгующимся такого рода отношенія и, оканчивающіеся съ такимъ грустнымъ для русскихъ исходомъ, коммерческія операціи нельзя назвать нормальными. Самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ тому служить, между прочимъ, весьма печальный финалъ ярмарки въ Архангельскѣ въ 1902 году, при небывало дешевой цѣнѣ рыбы въ Норвегіи. Быть можетъ этотъ крайне чувствительный урокъ (ибо масса мелкихъ рыборотковцевъ совершенно разорились), направить нашихъ, слишкомъ опрометчивыхъ коммерсантовъ, на путь истины; заставить ихъ принять болѣе цѣлесообразную тактику въ ихъ торговыхъ отношеніяхъ съ норвежцами и принудить ихъ быть между собой болѣе солидарными.

Русскіе коммерсанты въ Архангельскѣ прекрасно знаютъ, что Норвегія лишь „рыбы царство“; кромѣ продуктовъ моря — здѣсь ничего нѣтъ; голыя скалы ровно ничего не производятъ и норвежцы рѣшительно во всемъ нуждаются, начиная отъ лѣсныхъ матеріаловъ, хлѣба, мяса и кончая всякаго рода зеленью. Стало быть Норвегія во всѣхъ отношеніяхъ въ большой экономической зависимости отъ насъ, чѣмъ мы отъ нея и, слѣдовательно, мы обладаемъ всѣми средствами, дающими намъ полную возможность предписывать норвежскимъ купцамъ свои условія. Стоитъ только года на два нашимъ торговцамъ единодушно сплотиться: прекратить перевозку къ норвежцамъ нашего разнообразнаго товара до наличныхъ денегъ включительно — и вся восточная часть сѣверной Норвегіи (Финмаркенъ) вынуждена будетъ явиться къ намъ въ Архан-

гельскъ и уже не въ качествѣ надменнаго покровителя, а съ робкимъ предложеніемъ своего рыбнаго товара: трески и селедки. Тогда и цѣна на рыбу, согласно степени спроса на мѣстѣ, урегулируется само собою и такіе позорные для русскихъ торговцевъ факты, какъ продажа норвежцами нашей муки нашимъ-же мурманскимъ колонистамъ цѣлымъ рублемъ дешевле на куль, чѣмъ она стоитъ въ Архангельскѣ, — отойдутъ въ область воспоминаній.

Гораздо рациональнѣе было-бы болѣе состоятельнымъ поморамъ самимъ заняться рыбнымъ промысломъ въ русскихъ сѣверныхъ обширныхъ и богатыхъ водахъ, чѣмъ, ради той-же пресловутой трески, цѣлое лѣто ютится въ непривѣтливыхъ шхерахъ Финмаркена и низко кланяться норвежцамъ. Когда-то и звѣриный промыселъ, и охота на акуль на Мурманѣ процвѣтали, но въ послѣднее время и ими почему-то вовсе игнорируютъ. Прошлой зимой все бухты мурманскаго берега, буквально кишѣли тюленями, бѣлухами и акулами, а также и сельдями, но наши рыбаки — охотники блистали своимъ полнымъ отсутствіемъ. Зато норвежцы, зная, что въ зимнюю пору никто имъ не препятствуетъ — какъ всегда, воспользовались удобнымъ случаемъ и работая съ своей обычной энергіей, увезли съ нашего Мурмана изрядную добычу, въ видѣ звѣринныхъ шкуръ, сала и массу селедки, причемъ послѣднюю продали за хорошую цѣну нашимъ-же „рыботорговцамъ“.

Эти грустные для насъ факты повторяются систематически каждый годъ и въ перспективѣ не видно имъ конца. Отсутствие у нашихъ береговъ въ настоящемъ году рыбы (тоже и въ Финмаркенѣ) приписываютъ именно пребыванію здѣсь небывалаго количества акуль, произво-

дящихъ ужасныя опустошенія въ стаяхъ трески, а также семги ибо уловъ этихъ породъ рыбы становится, къ сожалѣнію, съ каждымъ годомъ все меньше и притомъ, въ весьма значительной степени, и съ этимъ мнѣніемъ компетентныхъ старожиловъ нельзя не согласиться. По той же причинѣ и весенній промыселъ трески, за послѣднія 10—20 лѣтъ вовсе прекращается, а лѣтній начинается съ каждымъ годомъ все позднѣе и скуднѣе прежняго, такъ какъ акулы не столько пожираютъ, сколько разгоняютъ подходящую къ нашимъ берегамъ неизмѣримыми массами рыбу, преимущественно треску. т. е. самый главный предметъ мурманской промышленности.

Къ преслѣдованію звѣря необходимо энергично приступить при томъ неограничиваться предѣлами Бѣлаго моря и Мурманскаго берега, но слѣдуетъ дѣятельность эту простирать до береговъ острова „Новая Земля“ и Краснаго моря включительно, слѣдуя въ этомъ отношеніи примѣру нашихъ юркихъ сосѣдей, усиленно промышляющихъ не только около Шпицбергена, но доходящихъ зачастую и до Гренландіи, а мжду прочимъ не пренебрегающихъ для той же цѣли нашимъ Баранцевымъ моремъ вплоть до Новой Земли.

Но тѣмъ не менѣе количество тюленей, идущихъ къ нимъ изъ нашихъ водъ увеличивается и угрожаетъ Финмаркену (а тѣмъ болѣе и Мурману) дальнѣйшими неуловами и даже полнымъ оскуднѣніемъ (являющимся періодически и въ настоящее время) рыбныхъ промысловъ. Между тѣмъ прогрессивное развитіе звѣриннаго промысла двояко выгодно: зимою отъ шкуръ и сала

получится порядочной доходъ, а къ слѣдующему лѣту можно смѣло рассчитывать и на лучшій уловъ рыбы.

III.

Совокупность сказаннаго въ предыдущемъ письмѣ вполне подтверждается на дѣлѣ; тюлень, свирѣпствовавшій прошлую зиму, вплоть до мая мѣсяца, рѣшительно вдоль всего Мурманскаго побережья, произвелъ полный неурожай рыбы и, вслѣдствіе того, на нынѣшней архангельской ярмаркѣ, цѣна за пудъ трески повысилась до трехъ рублей и выше. Положеніе поморовъ и мурмарскихъ колонистовъ до крайности отчаянное и не поддается описанію. Все лѣто промыслили они здѣсь безъ малѣйшаго успѣха, жили впроголодь, кругомъ увязали въ долгахъ, а осенью вернулись домой съ пустыми руками; то бушевали частые штормы, то продолжительные туманы, то ихъ дѣятельность задерживалъ неуровъ мойвы и песчанки (мелкой рыбки, служащей для наживки ярусовъ), но, главнымъ образомъ, отсутствіе самой трески—и результаты невозвѣрно тяжкихъ и рискованныхъ трудовъ оказались небывало плачевными, такъ что тысячи несчастныхъ поморовъ съ семьями, на всю долгую и жестокую арктическую ночь, обречены буквально голодать.

То-же явленіе наблюдается отчасти и въ Финмаркенѣ, съ тою лишь разницей, что бѣдственное положеніе рыбаковъ облегчается помощью со стороны общественной благотворительности, преимущественно купечества, движимаго не столько челоѡвколюбіемъ, сколь прямымъ расчетомъ, ибо отъ поддержки валовой силы зависитъ ихъ-же собственное благосостояніе, а

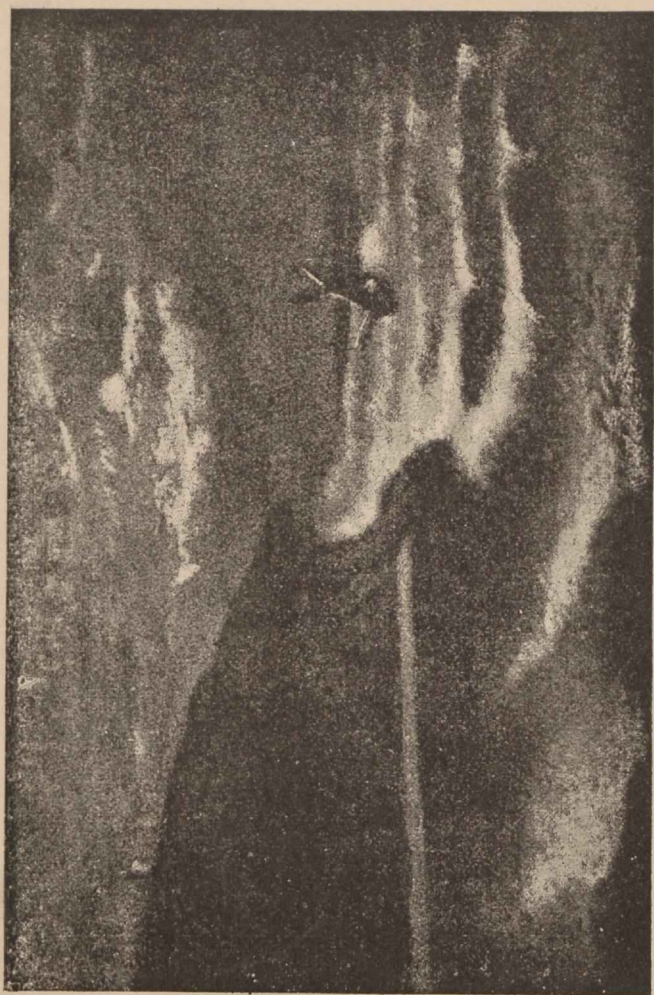
также и администраціей, неослабно слѣдящей за экономическимъ бытомъ населенія.

Кромѣ того въ Финмаркенѣ, благодаря доведенной до совершенства техники промысла, все-же бывали и въ этомъ сезонѣ уловы, а мѣстами даже обильные.

Норвежець идетъ въ море со своимъ прекрасно оснащеннымъ полуботомъ („Листерботъ“ или „Финберинъ“), пришедши на мѣсто ложится въ дрейфъ, а съ шлюпки метаетъ и вытягиваетъ свои короткіе яруса (снасти), производя эту работу непрерывно нѣсколько сутокъ, пока не нагрузитъ трюмъ своего судна, поднимающаго отъ пяти-сотъ до семисотъ пудовъ; только сильный штормъ прерываетъ его дѣятельность въ морѣ и понуждаетъ направиться къ берегу въ какую-либо хорошо защищенную бухту, что, при правильно поставленныхъ косыхъ парусахъ, вовсе не трудно. Кромѣ помянутыхъ промысловыхъ судовъ строятся у нихъ и легкія, весьма прочныя, открытыя лодки (ялы), употребляемыя для лова вблизи береговъ: ихъ дѣлаютъ разныхъ размѣровъ—до 35 футовъ длины и большею частью съ косыми парусами. Въ чудныхъ морскихъ качествахъ этого особаго типа лодокъ, я имѣлъ случай лично убѣдиться, сдѣлавъ въ ней переходъ изъ Гаммерфеста до Мурмана, около 500 верстъ по Ледовитому океану, и выдержавъ, между прочимъ, въ пути благополучно два весьма солидныхъ (S-W. и N-W.) шторма.

Какая-же огромная разница обнаруживается въ этомъ отношеніи на Мурманѣ: нашъ стереотипъ-поморь, въ свой традиціонной, тяжелой и неуклюжей шнякѣ *) (большая открытая лодка), текущей по всѣмъ фугамъ, очертя голову

*) Шняка—мореходное судно древнихъ варяговъ.

пускается въ океанъ и выметываетъ чуть-ли не десятиверстный ярусъ, стоя на немъ отъ воды до воды (12 часовъ), дабы, при возвращеніи къ берегу, пользоваться обратнымъ теченіемъ, т. е. морскимъ приливомъ, поднимающимся здѣсь отъ двухъ до трехъ аршинъ. Но въ случаѣ непогоды, поморъ немедленно бросаетъ свои, стоящія до двухъ сотъ рублей, снасти на произволь судьбы и спѣшитъ спасаться въ ближайшее убѣжище, что ему, однако, не всегда удается, такъ какъ противъ вѣтра тяжелую ладью выгребать на веслахъ — нѣтъ физической возможности, а лавировка съ прямымъ рейковымъ парусомъ — одно горе, ибо на каждомъ галсѣ приходится спускать парусъ и на веслахъ давать поворотъ, а при этой трудной, весьма продолжительной манипуляціи, относить его вѣтромъ все дальше въ море и положеніе съ каждой минутой становится болѣе критическимъ, а шансы къ спасенію уменьшаются до минимума. Ежегодно недосчитываются нѣсколькихъ безъ вѣсти пропавшихъ шнякъ съ артелями по четыре человѣка въ каждой. Наконецъ, нынче прибыли на Мурманъ двѣ парусныя, построенныя въ Норвегіи, спасательныя яхты, пожертвованныя С.-Петербургскимъ Невскимъ яхтъ-клубомъ, но на разстояніи болѣе чѣмъ восьми сотъ верстъ береговой полосы Мурмана, двухъ судовъ, для спасенія до четырехъ тысячъ работающихъ здѣсь въ лѣтнюю пору рыбаковъ, очевидно, слишкомъ недостаточно; однако, ни архангельское купечество, ни богачи поморья, хотя непосредственно заинтересованные въ успѣхахъ рыбопромышленниковъ, ни до какихъ мѣропріятій къ облегченію быта своихъ прямыхъ батраковъ, пока еще не додумались. Такой-же легкій упрекъ заслуживаютъ наши quasi-патріоты, проповѣдующіе съ ораторскихъ трибунъ много-

суляція новшества, но и они отъ изліяній красно-рѣчія до выполненія чего-либо на дѣлѣ, такъ же далеки, какъ отъ земли до небесъ. Мало у насъ инициативы, еще менѣе гражданскаго мужества, энергично выступить на общепольное практическое поприще; зато тонкихъ теоретиковъ, прозябающихъ въ уютныхъ кабинетахъ — цѣлый легіонъ.

Весьма важнымъ улучшеніемъ въ условіяхъ плаванія, послужила бы установка на той-же пресловутой шнякѣ соотвѣтствующихъ размѣровъ косыхъ парусовъ, дающихъ возможность, по крайней мѣрѣ командѣ, во всякое время достигнуть берега. Какую существенную роль отводится правильно поставленнымъ, даже на очень плохихъ судахъ, парусамъ, подтвердить каждый опытный морякъ и яхтсманъ. Но эту несомнѣнно полезную мѣру, имѣя въ виду упрямство нашего мужика, слѣдуетъ провести просто административнымъ путемъ, ибо необъяснимая косность помора вѣчно мѣшаетъ ему измѣнить что-либо въ жалкихъ приспособленіяхъ, ненужныхъ, по его мнѣнію, для его промысловыхъ сооруженій, — „вѣдь отцы и дѣды такъ же работали, какъ-же ему отрѣшиться отъ того, что освящено вѣтками, и, къ сожаленію, приходится констатировать, что въ техникѣ промысла мурманскаго помора за сотни лѣтъ ни малѣйшаго прогресса не послѣдовало.

Еще въ семидесятыхъ годахъ хлопотали объ измѣненіяхъ къ лучшему въ нашемъ промысловомъ судопроизводствѣ; много пролили по этому поводу чернилъ, еще болѣе произнесено громкихъ рѣчей, масса выработано глубокообдуманыхъ проектовъ и, надо признаться, весьма дѣльныхъ и цѣлесообразныхъ, но на дѣлѣ и по сіе время ничего неосуществлено — „возъ и нынѣ тамъ“.

Впрочемъ, не представляется ни малѣйшаго основанія въ этомъ отношеніи слѣпо подражать норвежцамъ и, подобно многимъ радѣтелямъ сѣвера, мечтать о созданіи такой-же флотиліи идеальныхъ промысловыхъ судовъ, какой давно уже обладаютъ наши практичные сосѣди. Такихъ легкихъ и прочныхъ судовъ мы строить не можемъ уже по той причинѣ, что у насъ не имѣется по качеству равнаго матеріала. Въ ихъ лѣсахъ растеть, почти неуступающая дубу, крѣпкая горная сосна; намъ-же пришлось-бы, по недоступной промышленникамъ цѣнѣ, выписывать ее изъ Америки. Поэтому, нашимъ судостроителямъ необходимо, при всякомъ существенномъ измѣненіи въ конструкціи типа какого либо судна, прежде всего сообразоваться съ степенью прочности добываемой въ сѣверныхъ болотахъ весьма слабой и рыхлой сосны. Второй существенный недостатокъ единственнаго типа мурманской рыбацкѣй ладьи скрывается въ слишкомъ слабыхъ скрѣпленіяхъ ея отдѣльныхъ частей. По внѣшней формѣ можно бы оставить ее въ полной неприкосновенности, она выноситъ порядочное волненіе, поморь къ ней привыкъ и ничего лучшаго не признаетъ, а главное—она по цѣнѣ доступна; но строить шняку необходимо прочнѣе и легче, что, не превышая даже обыкновенной ея стоимости, вполне возможно. Дабы не быть голословнымъ, сообщу нехитрые способы, примѣняемые нашими доморощенными мастерами при сооруженіи ими шнякъ: сначала кладутъ, соединенный съ ахтеромъ и бугомъ, киль, къ нему устанавливаютъ шпангоуты, а къ послѣднимъ пригибаютъ и пригоняютъ боковую обшивку изъ широкихъ 1¹/₂ дюймовыхъ досокъ, ровно по пяти штукъ на сторону, и доски эти пришиваются къ шпангоутамъ посредствомъ дере-

вянных нагелей, словомъ, до этихъ поръ, хотя топорно, но все производится въ надлежащемъ видѣ. Дальнѣйшая-же работа, по характеру своему, граничитъ съ предусмотрѣннымъ закономъ, преступнымъ дѣяніемъ, такъ какъ края, положенныхъ другъ на друга (взакрой) широкихъ и толстыхъ досокъ боковой обшивки, сшиваются въ косую застежку, буквально »живыми нитками«. Тутъ мастеръ—судостроитель, углубляясь въ роль портного, прошиваетъ всѣ продольныя фуги во всю длину своего новаго судна обыкновенной бичевкой, а дырочки, просверленные въ доскахъ для протягиванья сей »нитки« (виновать, бичевки), онъ заколачиваетъ, надо полагать для пущей компактности, тоненькими деревянными шпильками, затѣмъ покрываетъ все кругомъ густымъ слоемъ смолы и, приобрѣтшая печальную извѣстность, »шняка» готова къ спуску на воду. Каждый толковый рабочій прекрасно понимаетъ, что примѣненіе столь слабаго, мягкаго и эластичнаго матеріала, какъ бичевка, для скрѣпленія толстыхъ и твердыхъ досокъ является связью ниже всякой критики. Но нашъ неунывающий судостроитель, не внимая голосу народной мудрости, гласящей: »не то хорошо, а хорошо то, что къ чему пригоже«, — невозмутимо продолжаетъ портить важное дѣло и дорогой матеріалъ, подвергая жизнь своихъ милыхъ земляковъ постоянной опасности въ морѣ. Между тѣмъ несложныя поправки, въ весьма небольшомъ судостроительствѣ на нашемъ Поморѣ, заключаются въ слѣдующемъ: сдѣлать шпангоуты и боковую обшивку менѣ массивными, вмѣсто »живыхъ нитокъ« употребить желѣзныя заклепки да снабдить шняку порядочными косыми парусами, тогда она приобрѣтетъ большую легкость хода, надлежащую прочность

болѣе продолжительную службу и можетъ даже съ норвежскими финберинами свободно соперничать. Если-же сдѣлать ее полупалубной и въ кормовой части устроить маленькую каюту съ чугунной печкой, то то-же суденышко стало-бы вполнѣ пригоднымъ для каботажнаго плаванія нашихъ крайне смѣлыхъ поморовъ.

IV.

Кромѣ трески ловится на Мурманѣ бикшаза, сайда, зубастка и крупная палтусина — только сельдь остается въ непонятномъ пока пренебреженіи и мы продолжаемъ покупать ее у нашихъ ближайшихъ сосѣдей норвежцевъ, хотя ловля сельдей и здѣсь весьма возможна, благодаря множеству удобныхъ и прекрасно защищенныхъ бухтъ, въ которыхъ ее можно не только ловить, но даже и черпать. Какъ въ норвежскія, такъ равно и въ наши бухты, селедка собирается массаами не икру метать, а она спасается сюда отъ преслѣдующихъ ее враговъ: акулъ, китовъ и большихъ партій тюленей, загоняющихъ ее въ самыя мелкія и тѣсныя бухточки. Почему бы астраханцамъ, специалистамъ по части вычерпыванія прежней селедки изъ Волги, не попытать счастья на Сѣверѣ, тѣмъ болѣе, что на югѣ давно уже все „исчерпано“?

Но разница въ томъ, что ловля сѣверной селедки производится начиная отъ конца января до апрѣля включительно, зима-же на Мурманѣ довольно ровная и слабая, благодаря теплымъ теченіямъ (гольфстрему); термометръ колеблется большею частью около нуля и только при рѣдко дующихъ здѣсь восточныхъ вѣтрахъ наступаютъ морозы, доходящіе до 10—15 градусовъ Реомюра. Однако дорогъ „починъ“, и именно у насъ, ибо живущіе рядомъ съ нами норвежцы, съ давнихъ временъ и съ блестящимъ успѣхомъ, промышленляютъ селедку — фактъ на лицо, и намъ бы пора, хоть слегка подражать практичнымъ сосѣдямъ. Напримѣръ, въ Бѣломъ морѣ тоже зимою ловятъ неводами подъ льдомъ мелкую жир-

ную, такъ называемую кандалакшскую, сельдь — впрочемъ въ ограниченномъ количествѣ, а на Мурманѣ, въ открытой водѣ, до сихъ поръ серьезныхъ попытокъ въ этомъ направленіи еще сдѣлано не было.

Прежде всего необходимо позаботится о колонизаціи мурманскаго берега, о привлеченіи сюда свѣжихъ энергичныхъ силъ съ береговъ Ладожскаго озера и береговъ и острововъ финскаго залива: тутъ на весьма скудныхъ водахъ живутъ, вѣрнѣе влчатъ свое жалкое существованіе — здоровые, болѣе трезвые рыбаки — охотники, тогда какъ поморы народъ сплошь пьяный и въ корень деморализованный; а заправскій алкоголикъ мизернаго положенія мурманскихъ рыбныхъ промысловъ никогда улучшить не можетъ.

Относительно иностранцевъ, субсидированныхъ нашей щедрой администраціей, которыми населена вся почти западная часть мурманскаго берега, замѣчу лишь, что этотъ враждебный и опасный для насъ элементъ — не въ экономическомъ, ни тѣмъ болѣе въ политическомъ отношеніи, здѣсь на окраинѣ государства вовсе не желателенъ; онъ поселился тутъ въ видахъ эксплоатаціи нашихъ богатствъ и остается навсегда вѣрнымъ патріотомъ „своего“ отечества, ратующимъ въ интересахъ находящихся вблизи земляковъ. Порвежецъ на Мурманѣ то-же самое, что шведъ и шведоманъ въ Финляндіи, и пр.

Если читатель нѣсколько соблагородитъ взглянуть назадъ, то онъ легко можетъ убѣдиться, что за послѣдніе 30—40 лѣтъ много сдѣлано весьма дорого стоящихъ попытокъ къ поднятію мурманскихъ рыбныхъ промысловъ, но всѣ проводимые въ жизнь проекты, потерпѣли полное фіаско; дѣла здѣсь не только стоятъ на той же точкѣ замерзанія, но съ нѣкоторыхъ поръ дви-

нулись по пути регресса. И въ данное время въ аудиторіяхъ Архангельска, а также и столицы, подъ руководствомъ просвѣщенныхъ теоретиковъ, читаются и разсматриваются, подчасъ дѣльные доклады по различнымъ вопросамъ, касательно того-же злосчастнаго Мурмана, — но теорія, не идущая руку объ руку съ практикой, остается навсегда мечтою. При осуществленіи на дѣлѣ, даже по всѣмъ деталямъ хорошо выработанныхъ проектовъ, но при отсутствіи компетентныхъ практичныхъ „выполнителей“ ихъ неминуемо постигнетъ та-же печальная участь и въ результатѣ окажется опять нуль. Между тѣмъ дорогое время уходитъ, силы и средства тратятся, а естественно богатый Сѣверъ продолжаетъ покоиться въ своей вѣковой летаргіи.

Основываясь на опытѣ прошлаго, я отстаиваю мое глубокое убѣжденіе, что ни одно благое начинаніе, съ помощью однихъ поморовъ, на дѣлѣ ни малѣйшаго успѣха имѣть не будетъ. Субъектъ, находясь трое сутокъ въ недѣлю въ состояніи полной невмѣняемости, очевидно, къ никакой работѣ непригоденъ и всѣ средства къ исправленію его окажутся лишь палліативой — равносильными леченію безнадежно больного дорогими микстурами. Повторяю, на Мурманъ необходимо пригласить болѣе интеллигентныя силы, своихъ новыхъ піонеровъ — солидныхъ тружениковъ, людей, относящихся сознательно и съ любовью къ своимъ тяжелымъ и рискованнымъ занятіямъ; словомъ, для колонизаціи здѣшняго края нужно привлечь охотниковъ изъ прочихъ губерній, а не политически враждебныхъ намъ норвежцевъ.

Для населенія Сибири и вообще Дальняго Востока, учреждено Переселенческое Управленіе, переселяющее ежегодно десятками тысячъ земле-

дѣльцевъ чуть-ли не на край свѣта, рыбакамъ же перебравшимся въ Приамурскую и Приморскую область, близъ Владивостока — казною выдано было, въ видѣ субсидіи, по тысячи рублей на каждую семью. Слѣдовательно, найти охотниковъ, готовыхъ покинуть свое прежнее мѣстожительство вовсе не трудно, надо ихъ только заинтересовать и дать имъ возможность удобно устроиться на новыхъ мѣстахъ. А на Мурманъ сравнительно не далеко, и туда пока достаточно 400 семействъ. Лѣто, въ особенности въ западной части, довольно ровное, мѣстами растеть черника, морошка, грибы, въ огородѣ поспѣваетъ редиска, лукъ, рѣпа и даже картофель, по рѣкамъ и оврагамъ имѣется топиливо, въ видѣ корявой березы, и растеть прекрасная трава — такъ что скотоводство и преимущественно оленеводство процвѣтають. На островѣ Гилдинѣ живетъ норвежець, обладающій стадомъ оленей въ нѣсколько тысячъ головъ; стоимость каждаго изъ этихъ безотвѣтныхъ, неприхотливыхъ животныхъ на мѣстѣ отъ 12—15 рублей, мясо отъ нихъ продается въ Норвегію, а шкуры поступаютъ въ выдѣлку на замшу для перчатокъ. Въ Печерскомъ краѣ эта отрасль уже развивается, но тутъ, если не считать Печенгскаго монастыря, русскихъ оленеводовъ еще не видно.

Настоятельною необходимостью на Мурманѣ является устройство бондарнаго завода, такъ какъ подвозъ бочекъ и всякаго рода деревянной посуды изъ Архангельска, вслѣдствіе громоздкости и дороговизны доставки этихъ предметовъ, рѣшительно неудобенъ; установка же подобнаго завода, при условіяхъ примѣненія, имѣющейся на мѣстѣ, даровой водяной силы, обошлась бы очень недорого: матеріалъ для сооруженія за-

вода, а также для производства посуды, можно приобрести въ Поморьѣ по самой низкой цѣнѣ и подвозъ его моремъ также крайне дешевъ; посуда же нужна подѣ солку всѣхъ сортовъ рыбы и кромѣ того подѣ рыбій жиръ (воюкса), звѣриное сало и пр. Первый бондарный заводъ былъ построенъ въ Норвегіи, въ Христіанзундѣ, въ 1878 году; теперь ихъ тамъ уже нѣсколько, всѣ въ полномъ ходу, и каждый изъ нихъ выдѣлываетъ по 500 шт. бочекъ въ сутки и они еле успѣваютъ удовлетворить мѣстнымъ потребностямъ.

Съ цѣлью дальнѣйшаго изученія звѣрино-рыбнаго промысла, я рѣшился перезимовать въ Норвегіи. Занявъ убогую рыбацью лачугу безъ потолка, безъ зимнихъ рамъ, снабженную лишь маленькой чугунной печкой, я въ ней кое-какъ устроился. Хата стояла особнякомъ, спрятавшись въ глубокомъ ущельѣ межъ высокими скалами, на берегу одной изъ маленькихъ, со всѣхъ сторонъ защищенныхъ, бухточекъ въ сѣверо-восточной части Финмаркена — подлѣ самаго, далеко врѣзавшагося въ Ледовитый океанъ, высокаго, темнаго и грознаго Нордкапа (Nordcap). Неуютное жилище служило мнѣ убѣжищемъ чтобы въ ненастную погоду обсушиться и согрѣться. Иногда отлучался въ горы за куропатками и на этихъ, порою позднихъ прогулкахъ, я имѣлъ возможность восхищаться рѣдкимъ явленіемъ природы — временно прерывающимъ непроницаемую темень утомительной двухмѣсячной арктической ночи — роскошнымъ сѣвернымъ сіяніемъ, которое, благодаря преобладающей здѣсь пасмурной погодѣ, во всѣхъ его разновидностяхъ, во всей могучей и оригинальной красѣ своей, не особенно часто наблюдается. Однажды, возвращаясь съ охоты, въ ясную, морозную ночь, я,

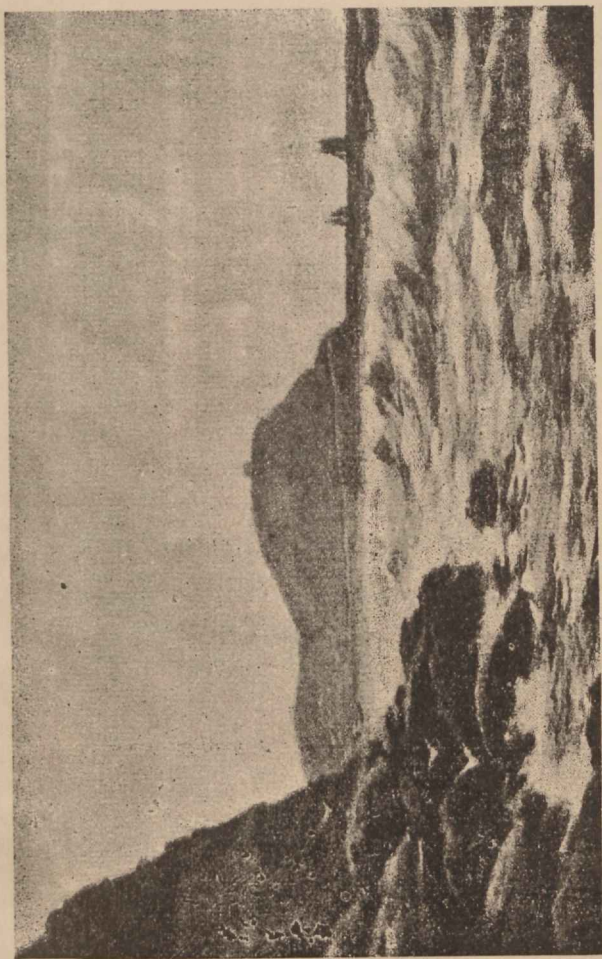
въ ожиданіи восхода луны, усѣлся на ближайшей къ моей хижинѣ горѣ, ибо въ темнотѣ рискованно спускаться по крутизнамъ острыхъ утесовъ и высокихъ каменистыхъ грядъ; на этотъ разъ я былъ обрадованъ великолѣпнымъ, неподдающимся описанію, освѣщеніемъ. Будь здѣсь великій Гоголь, онъ, забывъ свою Украину, въ восторгѣ воскликнулъ-бы, „знаете-ли вы арктическую ночь! нѣтъ, вы ее не знаете!“

На самомъ краю далекаго горизонта, сначала узкой чертой, постепенно расширяясь къ верху, яркимъ электрическимъ пламенемъ разгорается обширный океанъ и смыкающійся съ нимъ темно-голубой сводъ неба; море огня разрастается быстро по всеѣмъ направленіямъ и вдругъ предъ изумленнымъ зрителемъ раскрывается гигантскихъ размѣровъ ослѣпительно пылающій вѣеръ, извергающій множество огромныхъ сверкающихъ ракетъ; бѣлое пламя разлетается на головокружительную высь и освѣщаетъ яркимъ блескомъ весь необъятный ночной небосводъ и все покоящееся подъ нимъ въ хладной летаргіи на сѣверномъ полушаріи нашей малообитаемой планеты. Еще выше и далѣе, на темномъ фонѣ неба, отраженіемъ этого грандіознаго фейерверка, образуются прозрачныя, какъ легкій паръ, громадныя радуги блѣдно-розоваго цвѣта, переходящаго постепенно въ тускло-голубое, которыя сливаются съ соннымъ мракомъ чудной, поистинѣ волшебной, ночи — это можно встрѣтить только на дикомъ Сѣверѣ. Но мощное, словно изъ фонтана, изверженіе огненныхъ сноповъ длится лишь нѣсколько минутъ, оставляя на горизонтѣ ярко догорающее зарево и выше на небѣ чуть тлѣющіе слѣды, въ видѣ параллельно лежащихъ свѣтовыхъ полосъ, похожихъ на сильно освѣщенный млечный путь. Однако див-

ная иллюминація не разомъ потухаетъ, а возобновляется въ теченіе долгой ночи нѣсколько разъ и изъ каждаго точно вновь вспыхивающаго вулкана вылетаютъ въ пространство все новые горячія яркимъ огнемъ рисунки, — рядъ эффектныхъ композицій, набросанныхъ мощной кистью всемогущаго художника, — которые своимъ великолѣпнѣмъ поражаютъ рѣдкаго свидѣтеля подобнаго зрѣлища.

Таинственная тишина фантастической ночи нарушается лишь монотоннымъ шумомъ морского прибоя; высокіе волны, одна за другой, спѣшатъ точно въ атаку и съ глухимъ ревомъ разбиваются объ отвѣсныя скалы побережья, покрывая бѣлой, какъ снѣгъ, пѣной острые, висящіе надъ бездной, обледенѣлые утесы. Съ противоположной стороны, въ синеватомъ полумракѣ поднимается робко и тихо, словно испуганная, блѣдная луна; она какъ будто прилипла къ зубчатымъ вершинамъ, красующихся въ норвежскихъ шхерахъ черныхъ высокихъ горъ. Воспѣтая поэтами, какъ неизбѣжная спутница, верный чичероне-покровитель влюбленныхъ и мечтателей — здѣсь на далекомъ Сѣверѣ она вовсе утратила свой смыслъ. Тутъ въ всемертвящей стужѣ царитъ одна сухая и черствая проза. А предъ дивнымъ блескомъ сѣвернаго сіянія скромная луна конфузится и какъ бы ступшевувается.

Потрясенный глубоко подавляющимъ величіемъ этого необъяснимаго „видѣнія“, гордый чело-вѣкъ, мнящій себя царемъ вселенной, невольно чувствуетъ здѣсь свою физическую и духовную беспомощность въ жесткихъ объятіяхъ, богатой въ своихъ безконечно разнообразныхъ проявленіяхъ, вѣчно юной и прекрасной, матушки-природы. Онъ, надменный мужъ, подъ вліяніемъ окружающей его стихійной мощи — абсолютно

угнетенъ и смиренно склоняя свою буйную головушку, готовъ признаться, что онъ въ мірозданіи не повелитель, а затеренная въ пространствѣ презрѣнная, ничтожная пылинка. Въ мартѣ сѣверное сіяніе видимо прекращаетъ свою загадочную, порывистую игру, озаряя сѣверныя ночи мягкимъ ровнымъ свѣтомъ, а сила рефлекса этого сіянія простирается вплоть до нашей красавицы Невы — единственной въ мірѣ столицѣ (за исключеніемъ отчасти Стокгольма), имѣющей преимущество всю красную весну и значительную часть лѣта пользоваться и въ волю радоваться чудными „бѣлыми“ ночами.

Съ начала ноября, всеоживляющее красное солнышко покидаетъ забытый добрыми людьми здѣшній край и является вновь лишь въ концѣ января, такъ что около двухъ мѣсяцевъ холодный сѣверъ окутанъ мглой непроглядной ночи и только утренняя и вечерняя зари освѣщаютъ слабо полдень вродѣ мрачныхъ сумерекъ. Всю зиму бушуютъ почти непрерывно, доходящіе до силы урагановъ, ужасныя бури съ снѣжными метелицами, смѣняющимися частыми продолжительными туманами, которые дѣлаютъ Ледовитый океанъ для мореплавателей крайне опаснымъ. Тѣмъ не менѣе, всю зиму въ норвежскихъ шхерахъ поддерживается срочное пороходное сообщеніе и надо отдать справедливость, что благодаря бдительности командъ аваріи случаются рѣдко. У насъ на широкой и тихой Волгѣ — частенько среди бѣла дня пароходы умудряются „столкнуться“, потопляя дорогой грузъ и ввѣряющихъ имъ свою жизнь пассажировъ; плавая здѣсь хоть годъ, наши командиры рѣчныхъ и прочихъ пароходовъ могли-бы многому научиться. . .

V.

Въ прошлыхъ своихъ письмахъ *), о поморахъ я отозвался неодобрительно, но лишь въ томъ отношеніи, что они, какъ слишкомъ падкіе къ хмѣльному, неспособны самостоятельно улучшить и развитъ труднаго и сложнаго промыслового дѣла, но я далекъ отъ мысли оттягчать ихъ и безъ того незавиднаго положенія.

Всякій преданный алкоголю, прежде всего человѣкъ хронически больной и достойный не только самаго искренняго сожалѣнія, но и поддержки матеріальной и нравственной — бѣдность и духовная темнота, въ которой онъ влачитъ свое жалкое существованіе, служатъ несомнѣннымъ источникомъ зла и онъ въ борьбѣ съ невзгодами жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ и съ пьянствомъ, нуждается въ культурныхъ, гуманныхъ, и разумныхъ руководителяхъ; поморъ уже вѣками находится въ кабалѣ у своихъ зажиточныхъ односельчанъ и безъ помощи извнѣ никогда на твердую почву не встанетъ, никогда изъ рабства не высвободится. Если онъ подъ хмѣлькомъ на берегу грубъ, упрямъ и часто несносенъ — зато въ морѣ по отвагѣ и выносливости въ работѣ, говорю по опыту, лучшаго товарища нельзя найти и я въ защиту его обязанъ сказать нѣсколько словъ.

*) „Море и его жизнь“ №№ 8—12, 1904 г.

Разныя учрежденія и лица, поставившія своею задачею поддержку поморовъ, судъ по результатамъ, какъ прежде, такъ и до самаго послѣдняго времени, — ровно ни въ чемъ не успѣли, положеніе помора изъ года въ годъ худшается, рыбныя промыслы въ техническомъ отношеніи повсемѣстно скудѣютъ, при томъ безъ малѣйшей надежды на улучшеніе въ будущемъ. Я говорю о поморахъ — рыбакахъ, трудная задача коихъ состоитъ въ извлеченіи для другихъ каштановъ изъ огня-въ данномъ случаѣ — рыбы со дна Ледовитаго океана, той производительной силъ, которую наши радѣтели — благодѣтели Сѣвера, совершенно игнорируютъ, забывая, что поморъ — рыбакъ и поморъ — кулакъ не одно и то же. При одностороннемъ отношеніи къ дѣлу, усилія ихъ направлены всецѣло въ помощь вполнѣ обезпеченнаго меньшинства, упуская изъ вида самое существенное, т. е. поддержку огромной массы дѣйствительныхъ тружениковъ, поморовъ — промышленниковъ. Укажу, между прочимъ, на то, что функционирующее уже нѣсколько лѣтъ въ Архангельскѣ, субсидированное казною, учрежденіе «взаимнаго обязательнаго страхованія» поморскихъ парусныхъ судовъ, плавающихъ въ Бѣломъ морѣ и Ледовитомъ океанѣ, строго говоря, промысловыхъ судовъ вовсе не страхуетъ; ибо суда, оцѣненные поморами ниже ста рублей, на страхъ не принимаются стало быть означенное страховое учрежденіе основано исключительно для обслуживанія болѣе крупныхъ судовладѣльцевъ, т. е. для обезпеченія достаточнаго класса Поморья, отъ всякихъ несчастій и случайностей; поморъ же промышленникъ, подверженный въ борьбѣ со стихіями постоянной опасности, все богатство котораго заключается въ его единственной шнякѣ или

карбасъ, этой гарантіи лишень. Онъ, потерпѣвъ аварію, разоряется въ конецъ; вынужденъ покидать и такъ рѣдѣющіе ряды самостоятельныхъ ловцовъ и идти въ батраки къ широко облагодѣтельствованнымъ поморамъ — торгашамъ.

Въ подтвержденіе сказаннаго приведу несомнѣнныя цифровыя данныя, почерпнутыя изъ отчетовъ упомянутаго страховаго учрежденія. Въ 1897 г. принято на страхъ 379 судовъ, оцѣненныхъ отъ 500—10.000 руб. и только 145 шт. мелкихъ судовъ по оцѣнкѣ отъ 100—500 руб., а въ общемъ 524 судна. Далѣе, изъ тѣхъ же отчетовъ явствуется, что количество аварій за четырехлѣтній періодъ равнялось 340, въ томъ числѣ полныхъ крушеній, сопровождавшихся гибелью судна — 61, а болѣе или менѣе значительныхъ аварій — 279; надо признать, что такой процентъ крушеній на морѣ является весьма внушительнымъ. Объясняется это отчасти тѣмъ, что здѣшніе судовладѣльцы, подъ общей фирмой «поморы», пользуются почему-то исключительными правами отправлять свои суда въ плаваніе съ крайне ограниченными командами, отъ 4—6 человекъ, и большею частью безъ шкиперовъ и имѣющихъ цензъ штурмановъ. Пока мы узнали лишь, что въ теченіе 4-хъ лѣтъ изъ 524 судовъ — 340 потерпѣли крушеніе, — но сколько при этихъ несчастіяхъ бѣдныхъ людей погибло, объ этомъ исторія умалчиваетъ.

По свѣдѣніямъ Губ. Статистическаго Комитета, въ Поморѣ насчитывается болѣе тысячи мелкихъ промысловъ судовъ, — изъ нихъ застраховано только около сотни, остальные же 900 судовъ, работающих на тѣхъ же бушующихъ волнахъ Ледовитаго океана, а также рыболовныя снасти, невода, сѣти, яруса и пр.

остаются на страхъ ихъ несчастныхъ владѣльцевъ. Невольно возникаетъ вопросъ, гдѣ же помощь, оказываемая фактически нуждающимся поморамъ и ихъ тяжкому промысловому дѣлу, о которомъ такъ много говорятъ и пишутъ?

Нашъ чиновный классъ придерживается всегда съ педантическою аккуратностью мертвой буквы закона и всѣхъ существующихъ правилъ; онъ обыкновенно утопаетъ въ болотѣ формализма и въ лѣсу не видитъ деревьевъ, но тутъ наблюдается нѣчто совершенно противоположное. Въ силу закона отъ 12 мая 1897 г. »всѣ суда, принадлежащія жителямъ Архангельской губерніи и плавающія по Бѣлому морю и Ледовитому океану подлежатъ »обязательному страхованію», изъ чего логически слѣдуетъ, что суда, не принятые на страхъ по ветхости ихъ корпусовъ, должны быть изъяты изъ обращенія, между тѣмъ не менѣе 120 поморскихъ каботажныхъ судовъ, не принятыхъ на страхъ именно по указанной причинѣ, продолжаютъ благополучно или не благополучно совершать обычные рейсы въ означенныхъ водахъ, а быть можетъ и восточнѣе, до Новой земли (при полномъ отсутствіи контроля), гдѣ плаваніе, вслѣдствіе ледяныхъ массъ, даже для новыхъ судовъ, признано весьма рискованнымъ. Общее законоположеніе также ясно и опредѣленно предписываетъ »кому сіе вѣдать надлежитъ» своевременное предупрежденіе несчастныхъ случаевъ. Къ чему приписать такое непонятное равнодушіе къ дѣлу? Или добрыми людьми подъ вліяніемъ сѣвернаго суроваго климата овладѣваетъ апатія, или же уклоненіе это считается не столь существеннымъ, — но допустить 120 судамъ свободный выходъ въ море, судамъ съ завѣдомо расшатанными корпусами и ветхимъ такелажемъ, противорѣчитъ

AR

Fr. R. Keutzwaldi
n. m. ENSV Riiklik
Raamatukegu

прямому требованію закона и называется на юридическомъ языкѣ »преступнымъ бездѣйствіемъ»; фактъ усугубляется еще тѣмъ, что эти забракованныя уполномоченными страхователей суда, продолжаютъ кампанію, не одну, а нѣсколько навигацій, и вѣроятно будутъ продолжать ее и впредь до окончательнаго ихъ потопленія. Если считать на каждомъ изъ этихъ корабликовъ судовую команду въ среднемъ по пяти человекъ и то получится почтенная цифра въ шестьсотъ матросовъ, идущихъ въ море на признанныхъ негодными къ плаванію старыхъ судахъ и разумѣется лишь потому, что горе и нужда заставляютъ ихъ всѣхъ рисковать и въ отчаяніи опрометью бросаться въ хладныя объятія стихій, безъ надежды возвращенія въ родную деревню, въ отцовскій домъ. Сколько изъ этихъ »оставшихся за штатомъ» парусниковъ ежегодно на дно ныряетъ, объ этомъ точныхъ свѣдѣній не сообщаютъ, повидимому и число пропавшихъ безъ вѣсти доморощенныхъ несчастныхъ моряковъ никого не интересуется. Какъ дешево цѣнится, незастрахованная жизнь человека.

VI.

На Мурманѣ предположено приступить къ основанію судостроительной верфи съ парусной при ней мастерской и тоже на казенныя средства. Но наши ретивые аферисты и тутъ относятся къ дѣлу съ обычной односторонностью. При всякомъ новомъ предпріятіи нужно принять въ соображеніе, прежде всего, два главныхъ условія: возможность извѣстнаго количества сбыта воздѣльваемыхъ предметовъ и выдержку конкуренціи. Кто же на Мурманѣ закажетъ новое судно; прозябающій впроголодь русскій колонистъ? Нѣтъ онъ не въ состояніи, а колонистъ финнъ или норвежець приобретаетъ рѣшительно все ему необходимое въ Норвегіи. Никто изъ нихъ, ни богатый, ни бѣдный, изъ принципа (всѣ они ярые политиканы), на русской верфи даже маленькой лодки не закажетъ, а предпочтетъ купить, хотя бы даже подержанный, яль съ оснасткой и всѣми принадлежностями въ своемъ старомъ отечествѣ и даже въ томъ случаѣ, если бы ему тамъ пришлось за все переплачивать. Фактъ всѣмъ извѣстный, что эта категория колонистовъ, получившихъ отъ русской казны ссуду въ субсидію, покупала промысловыя суда и рыболовныя снасти исключительно въ Норвегіи, лѣтнимъ же рыбакамъ-поморамъ, пребывающимъ временно на Мурманѣ, дорогія судна «новой» верфи не по карману. Эти и другія обстоятельства предвѣщаютъ сему предпріятію вернѣйшій

проваль; вѣдь кромѣ верфи на голомъ скалистомъ берегу требуются жилья для мастеровъ и рабочихъ, подвозъ топлива, провизіи, годовой запасъ строительныхъ матеріаловъ въ обработанномъ видѣ и т. д., а эта операція сопряжена съ большими накладными расходами и ни въ какомъ случаѣ не окупится, Пока Мурманъ не населенъ достаточнымъ числомъ солидныхъ колонистовъ, верфь эта можетъ служить развѣ только ремонтнымъ пунктомъ для приходящихъ сюда, въ ограниченномъ количествѣ, поморскихъ торговыхъ судовъ. Сѣверное судостроительство уже много сотенъ лѣтъ концентрируется въ Поморьи, гдѣ матеріалы и рабочая сила дешевы и имѣются подъ рукою, а именно: въ Сумѣ, Онегѣ, Сорокѣ и прочихъ посадахъ бѣломорскаго побережья. Самъ великій Основатель русскаго флота построилъ въ Онегѣ свою первую боевую эскадру и перетащилъ ее по сушѣ (200 верстъ) до Онежскаго озера. Здѣсь и нынѣ строятъ десятками суда ежегодно и безъ всякихъ верфей. Если же въ послѣднихъ ощущается неотложная потребность, то таковыя будутъ воздвигнуты средствами самихъ судовладѣльцевъ и строителей, безъ всякой надобности производить на подобныя нововведенія ничѣмъ неоправдываемыя расходы крупныхъ казенныхъ суммъ.

Въ Архангельскѣ проектируется установка эллинга и опять лишь для ремонта поморскихъ «торговыхъ» судовъ. Эллингъ, положимъ, необходимая принадлежность каждаго портового города вообще, но разъ онъ предназначается спеціально для зажиточнаго класса Поморья, слѣдовало бы его возводить не на средства казны.

Допустимъ строительство каботажныхъ судовъ, качественно и количественно, будетъ до-

ведено до извѣстной степени совершенства, что во всѣхъ отношеніяхъ весьма желательно, и для ремонта будутъ сооружены всевозможныя удобства, команды на нихъ получаютъ достаточную для каботажнаго плаванія подготовку и пр.; но этимъ далеко еще не исчерпывается вопросъ, поставленный Правительствомъ въ основаніе дѣла, поднятіемъ экономическаго состоянія кореннаго населенія края, упуская изъ вида объектъ — рыбу и звѣря, а вмѣстѣ съ тѣмъ рыбаковъ и охотниковъ, дышащихъ и кормящихся исключительно моремъ и ограничиваясь одной лишь торговлей рыбой, къ тому только приобрѣтенной покупкой у норвежцевъ. Главная цѣль совершенно отодвигается на задній планъ и трата кезенныхъ денегъ на пользу одного торговаго, за счетъ промысловаго флота въ Бѣломъ морѣ и на Мурманѣ, становится не цѣлесообразнымъ. Все вниманіе, со всѣми имѣющимся средствами должно быть прежде всего сосредоточено на расширеніи промысловаго дѣла, а торговля затѣмъ, по мѣрѣ надобности, разовьется сама собою, — у насъ же выходитъ какъ разъ наоборотъ — лошадь и телѣга готовы, возница на мѣстѣ, а возить нечего.

Въ дополненіе къ характеристикѣ дѣятельности нашихъ усердныхъ «оживителей» русскаго Сѣвера, нельзя не упомянуть о ихъ дальнѣйшемъ благомъ намѣреніи устроить въ Архангельскѣ обширныхъ размѣровъ рыбный складъ, съ полумилліонной кассой для выдачи ссудъ подъ товаръ и все тѣмъ же рыботорговцамъ. Да они просто любимцы фортуны; суда строятъ изъ дароваго казеннаго лѣса; худо ли, хорошо ли, но ихъ принимаютъ на страхъ; Государственный Банкъ выдаетъ подъ залогъ сихъ кораблей ссуду; матросы комплектуются изъ среды найдешевыхъ

мѣстныхъ рыбаковъ; наемъ дорогихъ шкиперовъ и штурмановъ для нихъ необязателенъ, затѣмъ къ ихъ услугамъ сооружаются на средства казны, всевозможныя приспособленія и пр. пр.

Такъ и напрашивается народная поговорка: »не родись красивымъ, а родись поморомъ-коммерсантомъ и счастье твое въ грядущемъ обезпечено во многихъ отношеніяхъ».

Обѣзжайте всѣ 72 губерніи и области нашей необъятной родины и вы не найдете такой счастливой группы торговцевъ, какъ тутъ на далекомъ Сѣверѣ. Въ самомъ дѣлѣ, съ какою безпримѣрною предупредительностію и трогательною заботливостію здѣсь за ними ухаживаютъ, — объ этомъ торговцы прочихъ мѣстностей и мечтать не смѣютъ. Между тѣмъ, подавляющее большинство поморскихъ жителей, т. е. звѣро и рыбопромышленники, продуктивная сила края, чахнетъ отъ недоѣданія. Громкая фраза »помощь поморамъ», по злой ироніи судьбы, до нихъ не относится. Якобы свѣдующіе люди, »непогрѣшимые знатоки» русскаго Сѣвера, изучившіе до тонкостей бытовья его особенности, условія сѣрой жизни, экономическое положеніе мѣстнаго населенія и, надо полагать, вмѣстѣ съ тѣмъ его фактическія нужды, какъ видно »слона» и не примѣтили. Начавъ дѣло ни съ того конца, они воображаютъ, что всѣ сложныя задачи правильно ими рѣшены и тяжкіе просвѣщенные труды ихъ оцѣнить и общество, и высшее начальство. Но исторія справедливѣе, она и къ нимъ, и къ ихъ усердному старанію, отнесется такъ же безпристрастно, какъ она уже оцѣнила подобныя же услуги многочисленныхъ, не менѣе надменныхъ, предшественниковъ теперешнихъ дѣятелей на поприщѣ »помощи поморамъ».

Могу сослаться, напимѣръ, на распределе́ние ассигнованныхъ казною 30,000 руб. для ссуды и субсидіи мурманскимъ рыбопромышленникамъ и раздачѣ сихъ денегъ, согласно выработаннымъ спеціальной комиссіей правиламъ и формальностямъ. По этимъ правиламъ, претендовать на означенную ссуду, въ размѣрѣ 150 руб. и субсидію въ 200 руб. могли могутъ и теперь, жители Архангельской губерніи, поморы, переѣзжающіе на Мурманъ въ качествѣ колонистовъ, а также поселившіеся тутъ финны и норвежцы, и жители прочихъ губерній Имперіи, но при условіяхъ обязательной приписки къ мѣстному крестьянскому обществу. Разумѣется, этотъ искусственно созданный факторъ служитъ сильнѣйшимъ тормазомъ къ успѣшной колонизаціи края желанными здѣсь русскими людьми, а для интеллигенціи и даже полуинтеллигенціи—опытныхъ и развитыхъ ремесленниковъ, доступъ сюда совершенно закрытъ, такъ какъ врядъ ли кто согласится, ради чести стать мурманскимъ колонистомъ, перейти въ крестьянское сословіе подъ начальство волостного старшины и его неизбѣжнаго адъютанта — »писаря» малообитаемаго Кольскаго полуострова Александровскаго уѣзда. Добрую половину изъ означенныхъ 30,000 руб. получили, большею частью недостойные искатели; деньги для казны исчезли безслѣдно, а для Мурмана безъ пользы, и кредитъ этотъ, слишкомъ ограниченный и краткосрочный, далъ, какъ извѣстно, отрицательные результаты.

VII.

Начало нашихъ владѣній въ сѣверо-западной части Архангельской губерніи обозначено сѣрватаго цвѣта каменнымъ столбомъ, неуклюже сложеннымъ изъ неотесанной бутовой плиты и помѣщенномъ на возвышенномъ русскомъ берегу рѣчки, впадающей въ Варангерскій заливъ. Первымъ признакомъ населеннаго мѣста является одиноко стоящая тутъ, межъ горами на узкой скалистой равнинѣ, небольшая, очень незатѣйливой архитектуры лютеранская церковь, а при входѣ въ рѣчку, которая лишь во время прилива становится проходимою для мелкихъ судовъ, съ осадкою до 7 футовъ, открывается довольно привѣтливая панорама.

Рѣчка Ворьема (Jacobs elva), берущая свое начало изъ пограничнаго озера Энара, отдѣляетъ Кольскій полуостровъ (русскую Лапландію) отъ Норвегіи. На нашемъ берегу, въ устьѣ этой рѣчки, живутъ только два семейства русскихъ колонистовъ, а на противоположной сторонѣ — цѣлая деревня изъ десяти дворовъ, кромѣ прибывающихъ туда лѣтнихъ ловцовъ; для той же цѣли, покидая свои лѣса и тундры, являются русскіе и норвежскіе лопари, финны и корелы и вся разношерстная публика сливается воедино, дабы въ мирѣ и добромъ согласіи приступить къ рыбному промыслу. Въ морѣ границъ не приз-

наютъ: наши ловятъ рыбу въ чужихъ предѣлахъ, норвежцы у насъ и въ этомъ отношеніи никакихъ недоразумѣній не встрѣчается, съ тою лишь разницею, что на пять русскихъ рыбаковъ, приходится 50 человекъ иностранцевъ — въ такой же пропорціи населена вся западная часть мурманскаго берега, за исключеніемъ Печенежской губы; тутъ почтово-телеграфная контора, волостное правленіе, становище и село съ монастыремъ, основанномъ Св. Трифономъ, вмѣщающимъ до 70 монашествующихъ и послушниковъ во главѣ съ настоятелемъ Архимандритомъ, — человекомъ съ твердымъ характеромъ.

Рѣчка Ворьема пробѣгаетъ сотнями извилинъ очень живописную, съ обѣихъ сторонъ огражденную высокими горами, долину; отлогіе берега покрыты частымъ кустарникомъ, березнякомъ, мѣстами сочной травой, перемѣшанной пестрыми цвѣтами скудной сѣверной флоры, а выше по рѣкѣ, по оврагамъ, растетъ березовый лѣсокъ, правда корявый и низкій, но довольно частый и объемистый; вообще же, выгона для скота, сѣна и топлива, живущимъ здѣсь малочисленнымъ русскимъ колонистамъ вдоволь. Пароходъ Мурманскаго Общества, совершающій рейсы отъ Александровска до послѣдняго къ западу русскаго погоста „Пазъ-рѣки“, останавливается, „ежели погода“ позволяетъ, около Ворьема въ Финмаркенской бухтѣ, но при свѣжемъ N и W онъ обыкновенно проходитъ мимо и здѣшніе обыватели должны вновь на цѣлую недѣлю вооружаться терпѣніемъ и ждать у моря благоприятной погоды. Норвежскій пароходъ, не взирая на погоду, приходитъ сюда три раза въ недѣлю, близъ берега становится на якорь, отдаетъ почту и товаръ, принимаетъ пассажировъ и весь запасъ рыбы отъ промышленниковъ и

доставляетъ все въ Вардѣ, оказывая жителямъ истинную услугу.

Въ сентябрѣ прекращается всякое сообщеніе съ Россіей и живущіе здѣсь колонисты и прочій людъ обречены всю долгую зиму отбывать, въ полномъ смыслѣ слова, суровое наказаніе въ добровольной ссылкѣ — при абсолютномъ отсутствіи полицейскаго распорядка, скорого и милостиваго правосудія, удовлетворенія духовныхъ потребностей и самыхъ элементарныхъ медицинскихъ пособій, а такое состояніе способно наводить тоску и уныніе.

Недалеко отъ границы, въ материкъ врѣзывается версты на четыре узенькая бухточка (Долгая губа) настолько маловодная, что во время отлива и лодка въ устьѣ ея не входитъ; въ этой бухтѣ еще съ давнихъ поръ открыта серебряно-свинцовая руда, по порученію одного изъ московскихъ заводчиковъ. Недавно еще разъ изслѣдовали эту руду, $\frac{0}{100}$ содержанія оказалось достаточнымъ, но металлоносная жилка слишкомъ тонка и разбросана на большомъ пространствѣ, такъ что разработка ея не окунается.

Затѣмъ слѣдуетъ глубокая Печенежская губа, около 15 верстъ длиною — единственное на всемъ пространствѣ нашихъ владѣній хорошее убѣжище для судовъ всѣхъ величинъ; жаль только, что она почти на половину замерзаетъ.

Нѣсколько лѣвѣе виднѣются маленькіе Анійскіе острова; они замѣчательны тѣмъ, что на нихъ растетъ лучшая въ мірѣ морошка; тутъ же любимое мѣстопробываніе гагъ, изъ гнѣздъ которыхъ ежегодно собираютъ чудный пухъ. Эти островки, путемъ дара, перешли въ собственность Печенежскаго монастыря. А далѣе на всемъ рыбацкомъ полуостровѣ, вплоть до Мотковскаго

залива, нѣтъ ни одной подходящей для стоянки судовъ бухты.

На сколько слаба охрана нашихъ сѣверныхъ водъ отъ вторженія иностранныхъ хищниковъ указываютъ и слѣдующіе факты :

Въ октябрѣ 1903 года приплыла на Мурманъ норвежская парусная шкуна, съ благою цѣлью снабженія живущихъ на побережьѣ рыбацкаго полуострова и Матковскаго залива колонистовъ дешевымъ, ароматнымъ норвежскимъ ромомъ.

Контрабандный напитокъ нашелъ массу погребителей; жаждущіе одуряющаго зелья, платили за жизненную влагу наличными и натурою, въ видѣ звѣриныхъ шкуръ, тюленьяго сала, акульяго жира (изъ печени акулы) и пр.

Торговля велась около двухъ мѣсяцевъ бойко, открыто и безъ всякихъ стѣсненій, ибо опасаться было некого, центръ уѣзднаго начальства, въ „будущемъ“ городкѣ Александровскѣ, хотя находится невдалекѣ отъ означеннаго мѣста, но существованіе сего административнаго пункта, повидимому, никому ничѣмъ не грозитъ.

Въ тихую зимнюю пору норвежцы постоянно шныряютъ по Мурману — промышляютъ звѣря, бьютъ акулъ, ловятъ селедку, словомъ дѣлаютъ все, чѣмъ мы сами пренебрегаемъ и въ довершеніе всего вступили въ конкуренцію съ нашими „невинными“ лавками. Успѣху юркихъ спекулянтовъ усердно содѣйствуютъ поселившіеся здѣсь и только изъ вида перешедшіе въ русское подданство, вѣрные земляки ихъ, а также отсутствіе малѣйшаго съ нашей стороны надзора. На этотъ разъ случайно поймали хоть одного изъ многихъ незваныхъ посѣтителей нашей сѣверной окраины. Одинъ изъ русскихъ колонистовъ, несмотря на то, что ромоторговцы напоили его

всласть, побрелъ подъ пьяную руку до ближайшей телеграфной станціи, сообщилъ о происходящихъ въ Мотовскомъ заливѣ незаконныхъ дѣйствіяхъ пришлыхъ торговцевъ исправнику въ Александровскѣ и импровизированный норвежскій плавучій кабачекъ былъ накрытъ врасплохъ на мѣстѣ преступленія, а присланный вскорѣ полицейскій пароходъ отвелъ его на буксирѣ въ Екатерининскую гавань.

Казенный пароходъ „Бакантъ“, долженствующій охранять наши сѣверныя воды — весною красить подводную часть своего кузова, лѣтомъ занять гидрографическими изслѣдованіями въ разныхъ частяхъ Ледовитаго океана до Карскаго моря включительно, а осень и зиму стоитъ въ Екатерининской гавани или идетъ въ Тромсѣ для ремонта котловъ, машинъ и пр. и слѣдовательно нѣтъ у него досуга предслѣдовать, вторгающихся въ предѣлы нашихъ морей, норвежскихъ эксплуататоровъ.

Отъ другого парохода, „Андрей Первозванный“, сторожевой службы вовсе требовать нельзя, онъ всецѣло въ распоряженіи нашей единственной во всемъ Сѣверѣ научно-промысловой экспедиціи и окажетъ современемъ промысловому дѣлу несомнѣнно важную услугу, вѣдь мы, на примѣръ, до сихъ поръ не имѣемъ хоть сколько нибудь точной карты мурманскихъ водъ, а опредѣленіе, съ обозначеніемъ на картахъ глубины моря, направленія и силы морскихъ теченій имѣетъ для промышленниковъ первостепенное значеніе. Жаль, что шестилѣтній полезный трудъ экспедиціи такъ долго не передается гласности и результаты теоретико-практическихъ изслѣдованій не примѣняются на дѣлѣ и нашъ промышленникъ продолжаетъ работать, какъ и прежде ощупью тѣми же примитивными не сложными приспособленіями,

какъ сто лѣтъ тому назадъ ; не мудро по этому, что онъ къ руководителямъ и участникамъ экспедиціи относится съ недоверіемъ, называя ихъ дѣятельность «пустыми и дорогими затѣями», къ тому же пароходъ „Андрей Первозванный“ за краткій періодъ экспедиціонныхъ работъ слишкомъ часто и долго отсутствовалъ, онъ ходилъ на ремонтъ въ Архангельскъ, въ Норвегію и даже въ Германію, а всякій понимаетъ, что такіе дальніе переходы сопряжены съ большими расходами и напрасною тратою дорогого времени. За неимѣніемъ на Сѣверѣ механическаго завода, кромѣ мастерскихъ Соловецкаго монастыря, въ Бѣломъ морѣ, которые къ тому же зимою не доступны, наши пароходы вынуждены ремонтироваться за границей, а такое положеніе вещей и въ мирное время неудобно и очень невыгодно ; положимъ, нашими врагами и теперь ведется систематическая атака и бьютъ они насъ пока, какъ говорится не дубьемъ, а рублемъ ; но въ случаѣ какихъ либо политическихъ осложненій, если нагрянетъ хоть миниатюрная вооруженная сила — тутъ, на мало населенномъ и беззащитномъ полуостровѣ, *volens-nolens*, все отдадимъ безъ боя.

Всегда хорошо осведомленные о мѣстѣ пребываніи нашихъ крейсеровъ, норвежцы, разумеется, пользуются этими случаями, отправляются на Мурманъ и хозяйничаютъ тамъ, какъ у себя дома. Зимою китобойный промыселъ въ Норвегіи строго запрещенъ и многочисленные салотопленные заводы ихъ обречены на полное бездѣйствіе, что и заставляетъ этихъ специалистовъ отыскивать дешевую добычу въ ближайшемъ сосѣдствѣ у покинутыхъ пустынныхъ береговъ Мурмана, а тутъ просторъ и покой. Убитыхъ китовъ промысловые ихъ пароходы

преспокойно берутъ на буксиръ и уводятъ чуть-ли не цѣликомъ въ свои салотопни, наши же колонисты, по праву владѣльцы этихъ водъ, лишь хлопаютъ сонными глазами.

Не одинъ Мурманъ считается предметомъ соблазна для норвежцевъ, они ради даровой добычи идутъ гораздо далѣе, на примѣръ: нашъ островъ Новая земля, длиною до 700 верстъ, населенный только нѣсколькими семействами самоѣдовъ—служить излюбленной ареной норвежскихъ охотниковъ на звѣрей и даже китовъ; тутъ приволье, полная свобода, широкое поле дѣятельности и на рѣдкость обильная добыча. Островъ прорѣзанъ узкимъ проливомъ (Маточкинъ Шаръ), представляющимъ судамъ превосходно защищенную стоянку, множество удобныхъ бухтъ для промысла и свободный путь въ Карское море. Это далеко лежащая въ сторонѣ, но чрезвычайно богатая въ смыслѣ охоты и рыбной ловли, область посѣщается норвежцами гораздо усерднѣе окрестностей Шпицбергена. Начиная отъ апрѣля и вплоть до октября мѣсяца, они на своихъ крѣпкихъ промысловыхъ яхтахъ идутъ сюда, несмотря на встрѣчаемые на пути массы плавучаго льда.

Въ 1879 году мнѣ удалось побывать здѣсь на норвежской паровой шкунѣ и невольно принять участіе въ промыслѣ. Наша команда состояла изъ восьми человекъ, въ томъ числѣ шкиперъ и штурманъ, и мы, въ теченіе трехъ недѣль, поймали 16 бѣлыхъ медвѣдей, 9 штукъ моржей, порядочное количество песцовъ и пр., а бѣлухами и тюленями нагрузили судно — ластомъ до четырехъ тысячъ пудовъ. Съ бѣлухъ и тюленей снимаютъ шкуру вмѣстѣ съ толстымъ слоемъ сала, каждую шкуру связываютъ въ отдѣльный тюкъ и въ такомъ видѣ поступаетъ она

въ Норвегіи въ продажу, съ вѣса, по существующей въ каждый данный моментъ биржевой таксѣ, обыкновенно отъ двухъ съ половиною до трехъ рублей за пудъ — безъ торга, безъ агентовъ, коммисіонеровъ и ее прочихъ званыхъ и не призванныхъ посредниковъ, присутствіе коихъ на нашихъ товарныхъ рынкахъ считается почему то необходимымъ.

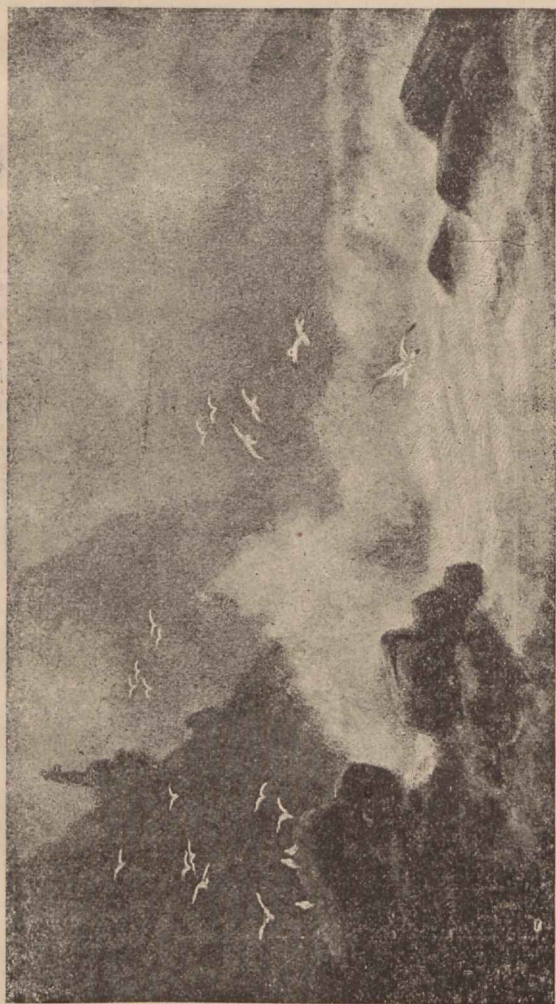
Второй проливъ, ведущій въ Карское море съ южнаго конца острова (Карскіе ворота), рѣже посѣщается норвежцами, потому что тутъ больше льда и кромѣ того они рискуютъ наткнуться на наши суда, производящія на этомъ пути гидрографическія изслѣдованія; а третій самый удобо-проходимый проливъ отдѣляетъ островъ Вайгачъ отъ материка (Югорскій Шаръ); здѣсь вся береговая часть моря почти все лѣто свободна отъ льда, фарватеръ глубокъ и чистъ и верстахъ въ 2—3 отъ берега можно смѣло идти на сѣверо-востокъ, вплоть до Обской губы; но самое благоприятное время для плаванія въ Карскомъ морѣ надо считать іюль и августъ. Наши поморы рѣдко сюда заглядываютъ, предоставляя и этотъ обширный районъ охоты тѣмъ же алчнымъ сосѣдямъ.

Островъ Новая Земля, самъ по себѣ, кромѣ ледяныхъ горъ и обросшихъ мхомъ каменныхъ грудъ, ровно ничего привлекательнаго не содержитъ; на немъ водится сѣверный олень еще въ дикомъ состояніи, изрѣдка попадаетъ очень дорогая арктическая лисица и огромными стаями дикій гусь, поэтому иностранцы издавна наименовали его „Гусинымъ островомъ“. Но окружающее море замѣчательно богато фауной и именно въ количественномъ отношеніи — трудно вообще найти въ океанѣ подобнаго мѣста съ такой добычей звѣря и рыбы, какъ тутъ. Рыба, пре-

имущественно омуль и кольца, послѣдняя изъ лососевой породы, буквально запружаетъ рѣки южной части острова. Давно пора основать на Новой Землѣ русскіе становища звѣрино — рыбопромышленниковъ, въ особенности къ западному концу пролива, и этой радикальной преградой разъ навсегда, закрыть доступъ иностранцамъ въ Маточкинъ Шаръ и проходъ въ Карское море. Наши моря охраняются чрезвычайно слабо, а береговая область абсолютно безъ всякой защиты, если не считать десятка, вооруженныхъ револьверами и длинными саблями гвардейскаго образца, храбрыхъ полицейскихъ урядниковъ.

Во время крымской кампаніи, англійская эскадра нанесла, между прочимъ, Мурману внезапный визитъ; съ помощью нашихъ же колонистовъ — лоцмановъ (понятно норвежской народности) два англійскихъ военныхъ корабля вошли въ Кольскую губу и проникли въ глубь до самаго конца ея (изъ океана 65 верстъ), разрушили беззащитный уѣздный городъ Колу и не встрѣтивъ ни малѣйшихъ препятствій, они тѣмъ же путемъ благополучно удалились. Затѣмъ, часть той же эскадры бомбардировала нашъ крупнѣйшій на Сѣверѣ Соловецкій монастырь и только, благодаря особенно выгоднымъ топографическимъ условіямъ этой естественной крѣпости, взять имъ ее не удалось, хотя многія монастырскія постройки изрядно пострадали, но церковь и главное зданіе, вслѣдствіе недалёкой бойности тогдашней артиллеріи къ счастью уцѣлѣли.

Въ то же время одинъ небольшой англійскій крейсеръ денно и ночью лавировалъ въ устьѣ Сѣверной Двины и перехватывалъ шедшихъ съ хлѣбомъ, лѣсомъ и прочимъ сырьемъ нашихъ горемычныхъ поморовъ — не пропуская также и

возвращающихся съ грузомъ соленой рыбы съ Мурманна и изъ Норвегіи тѣхъ же мелкихъ и крупныхъ рыботорговцевъ, не пренебрегая даже такою мизерною добычею, какъ ничтожною собственностью бѣднѣйшаго рыбака. Вверхъ по Двинѣ, до Архангельска англичане тогда подняться не рискнули, отчасти по той причинѣ, что они обладали лишь легко уязвимыми колесными пароходами, а также убоились нашей крѣпости, которая грозно красовалась на берегу рѣки, около 20 верстъ ниже города, но отъ которой, по волѣ рока, нынѣ и праху не стало.

Положимъ, суда съ большой осадкой, благодаря имѣющимся въ устьѣ Двины песчанымъ отмелямъ, и теперь въ рѣку войти не могутъ почему Архангельскъ считается съ моря недоступнымъ, но фарватеръ во время прилива все же достигаетъ порядочной глубины, а намъ тутъ и миноносцевъ неприятельскихъ достойно встрѣтить не съ чѣмъ, ибо нѣтъ на лицо средствъ оказать имъ хоть малѣйшее сопротивленіе. Сѣверяне наши и въ нынѣшнюю войну опасались, и быть можетъ не безъ основанія, повторенія англійскаго или японскаго нападенія.

Вѣдь намъ по горькому опыту извѣстно, что алчность нашихъ враговъ не знаетъ предѣловъ; въ ихъ характерѣ безжалостно бить лежачаго, не щадя бѣднѣйшаго населенія береговыхъ полосъ чуждыхъ имъ морей.

Мнѣ и конечно многимъ старожиламъ хорошо памятно дикіе, по истинѣ варварскіе приемы англичанъ, примѣненные ими въ томъ же 1854 году на островахъ и побережьѣ нашего злополучнаго Финскаго залива. На Наргенѣ они прорубили поперекъ всего острова цѣлыя просѣки и увезли массу коренного казеннаго лѣса; просѣки эти и по настоящее время еще не заросли, въ этомъ можно воочію убѣдиться.

VIII.

Выше я вскользь упомянулъ о существенномъ значеніи трески на нашемъ Сѣверѣ, а теперь укажу какую она видную роль играетъ въ обширныхъ атлантическихъ рыбныхъ промыслахъ. Какъ въ умѣренныхъ, такъ и въ холодныхъ районахъ сѣвернаго полушарія, треска появляется неисчислимыми массами и можно безъ всякаго преувеличиванія утверждать, что этой наиплодовитѣйшей породѣ рыбы, въ количественномъ отношеніи, на всемірномъ рыбномъ рынкѣ принадлежитъ пальма первенства.

Три самыхъ крупныхъ промысловыхъ пункта, снабжающіе Европу, и даже южную Америку, сушеной, соленой и маринованной треской, суть слѣдующіе: отмели вокругъ острова Ньюфаундленда, Исланда и норвежскихъ Лоффоденскихъ острововъ причемъ, по результатамъ улова за много вѣковъ, ньюфаундленскія банки являются несомнѣнно обильнѣйшими въ мірѣ промысловыми мѣстами.

Честь открытія этого замѣчательнаго острова принадлежитъ англичанину Джону Кабатъ (1583 г.); онъ занимаетъ площадь въ 11.0000 квадратныхъ верстѣ, а удобныя для рыбной ловли банки представляютъ пространство въ слишкомъ 200.000 кв. верстѣ, глубина на этихъ банкахъ колеблется отъ 20—80 саженой: Ньюфаундлендъ, слѣдовательно, старѣйшая изъ англійскихъ колоній*). Уже въ концѣ шестнадцатаго вѣка насчитывали тутъ до 400 французскихъ, испанскихъ и англійскихъ промысловыхъ судовъ и въ началѣ островъ былъ занятъ французами,

*) P. Gazeaux Terre Neuve, la pêche et les pêcheurs en Bulletin des pêches maritimes. (1897).

которые на немъ и укрѣпились. Съ тѣхъ поръ началась борьба за право рыбной ловли на ньюфаундленскихъ отмѣляхъ, а дипломатическая война по этому поводу до новѣйшаго времени еще не прекратилась. Въ 1713 году, при заключеніи Утрехтскаго мира, Ньюфаундлендъ окончательно перешелъ въ англійское владѣніе, но Франція предоставила себѣ право производства рыбной ловли, именно въ водахъ съ восточной и западной стороны острова (French chore), однако конфликты между промышленниками не прекращались и большею частью вследствие вторженія англійскихъ рыбаковъ въ предѣлы, принадлежащихъ французамъ, водъ. Версальскій миръ (1783 г.) рѣшилъ вновь установить границы морскихъ владѣній, причемъ и американцамъ былъ открытъ доступъ къ рыбной ловлѣ на банкахъ при означенномъ островѣ.

Въ 1886 году Ньюфаундлендскимъ парламентомъ былъ принятъ билль (Bait-Bill), явно направленный противъ французовъ, въ силу котораго запретили продажу съ берега, столь необходимой для промысла „наживки“ (bait) и съ этихъ поръ французскіе рыбаки вынуждены или сами ловить селедку, мойву, песчанку и проч. мелкую рыбку для наживки своихъ переметовъ, или же привозить ее въ соленомъ или замороженномъ видѣ, — а это обстоятельство значительно стѣсняетъ и тормозитъ промыселъ.

Наконецъ теперь прошелъ слухъ, что для окончательнаго прекращенія дальнѣйшихъ, между рыбаками недоразумѣній, всѣ касательно промысловъ около Ньюфаундленда, жгучіе вопросы будутъ переданы на разрѣшеніе третейскаго суда. Я привелъ эту маленькую историческую справку, чтобъ подтвердить высказанное мною выше мнѣніе о важности трескового промысла

вообще и на нашемъ Мурманѣ въ частности. Читатель видитъ и убѣждается въ томъ, что издавна знаменитая треска, являясь предметомъ множества международныхъ осложненій—только у насъ еще продолжаетъ оставаться въ непонятномъ пренебреженіи.

Пока далеко еще не выяснено почему скопленія рыбныхъ стадъ наблюдаются только въ извѣстныхъ районах*), почему рыба изъ года въ годъ съ упорствомъ продолжаетъ посѣщать, собираться и водиться въ опредѣленныхъ мѣстахъ, съ тою только разницею, что не всегда еѣ встрѣчаютъ въ одинаковомъ количествѣ и уловъ порою бываетъ ниже средняго. Современная наука даетъ нѣкоторое освѣщеніе этого интереснаго научнаго и экономическаго вопроса, въ весьма впрочемъ категорически выраженныхъ комментаріяхъ.

Прежде всего ссылаются на несомнѣнное вліяніе морскихъ теченій и систематически вторяющимъ ходомъ и скопленіемъ селедки на тѣхъ отмеляхъ, къ которымъ въ свою очередь, треска и вся крупная рыба вообще неизмѣнно держитъ свой путь. Гольфстремъ движется съ юга и запада, съ первоначальной скоростью до 6 верстъ въ часъ и съ температурой, превышающей на 15° Ц. сосѣднія воды американскаго берега на сѣвер. и востокъ**); у острова Ньюфаундленда навстрѣку ему идетъ холодное ледоносное течение и тутъ же смѣшивается съ нимъ; коренное русло Гольфстрема направляется далѣе и развѣтвляется на рукава, одинъ изъ нихъ идетъ въ Нѣмецкое море, другой дѣлаетъ поворотъ

*) Dr. Ehrenbaum, (die Flotte 1904)

***) O. Petterson. Die Wassercirculation im nordatlantischen Ocean. (1900).

налѣво и направляется къ южной сторонѣ Гренландіи, а среднее русло течетъ вдоль Норвежскихъ береговъ на востокъ далеко съ глубины Ледовитаго океана — гдѣ оно, напр. въ Баранцевомъ морѣ, способствуетъ таянію льда. Встрѣча холоднаго течения съ теплымъ и смѣшиваніе ихъ происходитъ также у острова Исланда и у Лофоденскихъ острововъ и этой комбинаціи приписываютъ причину большихъ скопищъ разныхъ породъ рыбы и въ особенности трески.

Частые и густые туманы, присущіе всѣмъ упомянутымъ выше главнымъ рыбопромышленнымъ пунктамъ — служатъ виѣшнимъ признакомъ присутствія тутъ холодныхъ теченій; теплые вѣтры, дующіе изъ области Гольфстрема ложатся на поверхность арктическихъ водъ подвергаются слишкомъ быстрому охлажденію и натурально вызываютъ туманъ.

Степень улова рыбы по соображеніямъ нѣкоторыхъ авторитетныхъ спеціалистовъ, обуславливается неравномѣрнымъ распредѣленіемъ теплоты въ различныхъ областяхъ океана, направленіемъ морскихъ теченій, процентнымъ отношеніемъ соли въ водахъ, силой и направленіемъ господствующихъ въ извѣстный періодъ вѣтровъ, вліяніемъ луны и количествомъ преслѣдующихъ рыбу звѣрей, въ особенности акуль и тюленей. Норвежець Саарсъ началъ свои наблюденія около Лофоденскихъ острововъ еще въ 1864 году и пришелъ къ тому заключенію, что треска съ единственной цѣлью метать икру, отыскиваетъ тѣ обширныя отмели, на которыхъ ежегодно концентрируется крупнѣйшій ея уловъ; а новѣйшій изслѣдователь Норгардъ*) полагаетъ, что

*) O. Norgard. Selskabet for d. norske fisker frem me, Bergen (1899).

гораздо большую роль играет пища для рыбы, ибо она и послѣ метанія икры долго не покидаетъ такъ сильно привлекающаго ее богатаго пастбища.

Біологическими и гидрографическими изслѣдованіями многихъ на этомъ поприщѣ труженниковъ, а также практическихъ наблюдателей непосредственно на дѣлѣ, выяснено, что разнымъ побочнымъ условіямъ рѣшающаго въ этомъ отношеніи значенія придавать не должно.

Фактъ общеизвѣстный, что въ тропическихъ широтахъ нашей планеты господствуетъ болѣе пышная и разнообразная флора и фауна, чѣмъ въ умѣренной полосѣ и множество натуралистовъ, а на ряду съ ними туристовъ профановъ съ одинаковымъ восторгомъ описываютъ удивительное богатство формъ растительнаго и животнаго царствъ, встрѣчаемаго въ южныхъ странахъ на сушѣ и въ водѣ.

Но господствующее мнѣніе опровергается новѣйшими научными изслѣдованіями въ томъ отношеніи, что сѣверныя моря, хотя онѣ разнообразностями много бѣднѣе южныхъ, тѣмъ не менѣе отличаются большею производительностью — въ особенности, если принять во вниманіе количественное плодородіе органичечкихъ массъ, служащихъ пищей для рыбы и пречей твари, т. е. главнымъ основнымъ элементомъ жизни и прозябанія фауны въ необъятномъ темномъ подводномъ царствѣ.

Благодаря добросовѣстнымъ трудамъ неумимаго и проникательнаго Гензена**), имѣвшимъ въ виду главнымъ образомъ одну цѣль: установить степень развитія въ разныхъ ча-

**) Hensen, Plankton-Expedition im Atlantischen Ocean (1899).

стяхъ Антлантическаго океана мельчайшихъ животныхъ и растений (Plancton), которыми рыба преимущественно питается — общій взглядъ изслѣдователей существенно измѣнился и завѣренія многихъ маститыхъ мужей науки получили совершенно иное освѣщеніе.

Стремленіе рыбы къ мѣстамъ обильными для нея и ея потомства кормовыми средствами, представляющимъ благопріятныя условія для метанія икры и наибольшую безопасность отъ вѣчно преслѣдующихъ ее враговъ — весьма естественно; туда инстинктивно влечетъ ее подъ руководствомъ мудрой матушки природы — для производства себѣ подобныхъ, дабы оставить послѣ себя жизнеспособное потомство; этотъ могущественный рычагъ регулируетъ бытіе всего животнаго царства, на этомъ принципѣ зиждется развитіе и ростъ всей органической жизни одинаково на сушѣ и въ моряхъ.

Если взгляды первой группы изслѣдователей, толкующихъ о вліяніи морскихъ теченій и пр., недостаточно убѣдительны, зато мнѣнія послѣднихъ приписывающихъ причину скопленія рыбныхъ массъ въ мѣстахъ густо снабженныхъ микроорганизмами, тѣмъ натуральнѣе и звучать гораздо правдоподобнѣе—въ погонѣ за кормомъ впереди спѣшать могучими стаями самая мелкая и проворная песчанка, затѣмъ мойва и вездѣсущая сельдь, вслѣдъ за ними ненасытная треска, палтусъ и обжорливая акула, а въ резервѣ двигается тоже отсутствіемъ аппетита не страдающій китъ, угрюмый и флегматичный великанъ океана. Одна порода рыбъ преслѣдуетъ другую одна является для другой предметомъ соблазна и утоленіемъ голода — словомъ великой непреодолимой привлекательной силой.

Морское дно на банкахъ вокругъ острова

Ньюфаундленда весьма разнороднаго свойства, оно мѣстами устлано мягкимъ иломъ, крупнымъ пескомъ, камнями и также сплошь разныхъ видовъ раковинами; на основаніи такого разнородно построеннаго грунта, предполагають, что тутъ вѣками образовался осадокъ отъ таянія пригнанныхъ сюда сѣвернымъ теченіемъ крупныхъ льдинъ, пришедшихъ въ прикосновеніи съ теплымъ Гольфстремомъ — почему морское дно въ этомъ районѣ постепенно возвышается, — такъ какъ вулканическихъ явленій здѣсь обнаружено не было.

Ловля трески на Ньюфаундленскихъ банкахъ по причинѣ неровнаго морскаго дна, производится какъ въ Норвегіи, а равно и у насъ на Мурманѣ, большею частью ярусами (*harouelle*); французы дѣлають свои тюки длиною въ 60 саженей, полагая на каждый тюкъ по 95 удобныхъ крючковъ, а весь ярусъ состоитъ изъ десяти тюковъ, такъ что общая длина яруса не превышаетъ 600. саж.; вся снасть съ наживкой укладывается въ плетенку, изъ которой каждый вечеръ выметываютъ его въ море, а по утрамъ вытягиваютъ. Весьма часто примѣняютъ и удобный способъ ловли трески, по только до 40 саж. глубины, на большихъ глубинахъ ловля удочкой (*faulx*) становится затруднительной и сопряжена съ лишнею тратою времени, почему предпочтительно употребляются яруса, Американцы дѣлають свои переметы еще короче; обыкновенная длина ихъ 200 саж. на 300 крючковъ, у насъ же на Мурманѣ соединяють ярусъ изъ 40 — 60 токовъ, такъ что общая длина его доходить до шести верстъ и болѣе.

Короткіе яруса передъ длинными имѣють существенныя преимущества, ихъ выметываютъ въ разныхъ мѣстахъ — это представляютъ больше

шансовъ увеличить общій уловъ рыбы, ибо опытомъ дознано, что треска находится не всюду одинаково густыми стаями и часто мѣняетъ свое мѣсто нахождения; второе удобство заключается въ томъ, что короткій ярусъ гораздо легче и скорѣе можно его въ случаѣ непогоды вытянуть, а если это не удастся и ярусъ останется въ морѣ и окончательно потеряется, то утрата его составляетъ убытокъ сравнительно небольшой, — тогда какъ шестиверстный русскій ярусъ стоитъ до двухсотъ рублей.

Промысловыя суда, прибывающія ежегодно къ острову спеціально на ловлю трески, какъ французскія, такъ и американскія, большею частью двухъ-мачтовыя шкуны въ сто и даже до трехъ сотъ регистровыхъ тоннъ, съ командою отъ 15—30 человекъ; — всѣ эти суда прочно построены, основательно оснащены и обладаютъ превосходными качествами, даже при сильныхъ, часто бушующихъ здѣсь вѣтрахъ они отлично маневрируютъ и никогда не отказываютъ въ поворотѣ, а это при большомъ скопленіи промысловыхъ судовъ, на сравнительно тѣсномъ пространствѣ, является весьма важнымъ условіемъ, тѣмъ болѣе при сильномъ волненіи.

Ловля трески на Ньюфаундлендскихъ банкахъ, въ отличіе отъ ловли у насъ на Мурманѣ, заключается въ употребленіи маленькихъ въ 16 футовъ длиною плоскодонныхъ шлюпокъ, выдерживающихъ удивительно сильное волненіе; въ каждую лодку (Dogies) полагается по два рыбака берушихъ собой ярусовъ до 1800 крючковъ; на шкуну приходится обыкновенно около десяти такихъ лодокъ. Придя къ избранному рыбаками мѣсту, шкуна отдаетъ якорь, лодки спускаются на воду и рыбаки идутъ по разнымъ направленіямъ выметывать свои яруса; по окончаніи

этой работы лодки возвращаются къ судну, а рыбаки приступаютъ къ наживленію запасныхъ снастей для слѣдующаго дня. Американцы, при благопріятной погодѣ, своихъ ярусовъ въ шлюпку вовсе не собираютъ, а снимаютъ лишь рыбу съ крючковъ, и снабдивъ крючки новой наживкой, вновь спускаютъ ярусъ на дно моря. При хорошемъ уловѣ приходится снимать столько рыбы, что маленькая ладья, поднимающая до 30 пудовъ, принуждена для разгрузки по нѣскольکو разъ побывать на суднѣ. Среднимъ суточнымъ уловомъ на каждую лодку считаютъ до 80 пудовъ, а общая добыча шкуны съ артелью изъ 20 человѣкъ достигаетъ обыкновенно 600 пудовъ трески, понятно безъ головъ въ очищенномъ видѣ. Такихъ размѣровъ суточный уловъ для судна съ артелью въ 20 человѣкъ, по мурманскимъ понятіямъ можетъ казаться не особенно крупнымъ и у насъ шняка иногда привозитъ съ моря 300 пудовъ трески; но надо принять во вниманіе, что американцы и французы, несмотря на туманы и волненіе, работаютъ на морѣ каждый день, за исключеніемъ воскресенья, и у нихъ въ теченіе мѣсяца по крайней мѣрѣ 20 такихъ улова, а это составляетъ 12000 пудовъ или кругомъ по 600 пудовъ на человѣка. Такъ какъ здѣшній рыбакъ треску ниже 2 руб. за пудъ не продаетъ, то получится въ итогѣ на долю cadaго ловца 1200 руб. валового дохода; даже если вычесть расходы на погашеніе стоимости судна, лодокъ, снастей, на уплату страховыхъ, покупку посуды, соли и наживки, наконецъ содержаніе артели — всетаки остается сумма, въ восемь разъ превышающая самый удачный заработокъ мурманскаго рыбака, продающаго свою рыбу на худой конецъ по 80 коп. пудъ. Случая же, чтобы шняка съ четырьмя ловцами болѣе 1000 рублей выручила

за лѣто, т. е. по 250 руб. на брата, еще не было, и то лишь при условіи, если шняка со всѣмъ сооружеиіемъ составляетъ собственность артели. Къ вопросу о причинахъ неуспѣшнаго улова трески на Мурманѣ я еще въ слѣдующихъ письмахъ возвращусь.

Поднятая вѣтромъ лютая волна и туманы — самые опасные враги рыбака на морѣ, то и другое является внезапно и положеніе труженика становится грагическимъ; въ туманѣ человѣкъ теряетъ способность ориентироваться, а при сильномъ волненіи, находясь въ подвѣтренней сторонѣ отъ шкуны, нагруженную снастями и рыбой ладью, трудно выгребать къ мѣсту стоянки судна. Ловцы въ туманѣ, теряя направленіе, уходятъ иногда слишкомъ далеко отъ своей шкуны и пропадаютъ въ океанѣ, а противъ сильнаго вѣтра они борются часами до изнеможенія, выбрасываютъ весь свой грузъ въ море, но если это не поможетъ, — имъ предстоитъ неизбѣжная гибель отъ истощенія силъ, жажды и голода. Не было еще случая, чтобы эту миниатюрную скорлупу опрокинуло волной — но ее порою встрѣчали въ открытомъ океанѣ, плавающей съ двумя покойниками, лежащими въ трюмѣ ладьи.

По возвращеніи лодокъ сейчасъ же приступаютъ къ чисткѣ и солкѣ рыбы, послѣ чистки каждую рыбу тщательно обмываютъ и укладываютъ въ опрятную посуду, соль употребляется горная — безукоризненной чистоты, вся же рыба остающаяся до другаго дня не посоленной, безусловно кидается за бортъ; такъ обращаются съ треской рыбаки передовыхъ націй, у нихъ она въ почетѣ и составляетъ крупную статью дохода.

Одинъ изъ существенныхъ предметовъ при ловли трески заключается въ наживкѣ для ярусовъ и опытотъ дознано, что свѣжая наживка

служить лучшей приманкой. Весною около Ньюфаундленда ловится сельдь, въ іюны — мойва, осенью — песчанка, а за неимѣніемъ означенной мелочи берутъ улитку, раковину и пр. Ловля свѣжей, а также покупка соленой наживки, причиняетъ рыбакамъ много хлопотъ, непріятностей и значительной остановки въ производствѣ рыбной ловли. Мойва и песчанка является періодически и ловля ея на Мурманѣ возможна лишь въ бухтахъ съ чистымъ песчанымъ грунтомъ неводами, на двѣ же шняки приходится обыкновенно одинъ неводъ, а при появленіи мойвы — всѣ спѣшать къ мѣсту лова, дабы заручиться наживкой и тутъ зачастую происходятъ перебранки, нерѣдко переходящія въ общую драку.

Ливеръ отъ трески (воюкса), продуктъ второстепенный, собираютъ въ объемистые чаны; въ теченіе двухъ недѣль изъ общей массы выдѣляется чистая прозрачная жидкость, вродѣ янтарнаго масла и поступаетъ въ продажу подъ названіемъ рыбьяго жира; изъ ста бочекъ воюксы получается до 35 бочекъ жира. Кромѣ того утилизируется также тресковый языкъ, его солятъ отдѣльно и продаютъ, какъ рѣдкій деликатесъ.

Общее число, прибывающихъ ежегодно къ Ньюфаундленду промысловыхъ шкуновъ простирается до 630, не считая судовъ береговыхъ ловцовъ. По исчисленіямъ американцевъ, въ Сѣверо-Атлантическомъ океанѣ трескою занимается и кормится прилично болѣе 200 тысячъ рыбаковъ, не считая оптовыхъ и розничныхъ рыборотковцевъ, а количество вылавливаемой трески вкругъ острова Ньюфаундленда опредѣляется ежегодно до 26 милліоновъ рублей*).

*) P. Simonds, The commercial products of the Sea.

IX.

Миниатюрная столица русской Лапландіи, уѣздный городъ Кола, существовалъ безмятежно много вѣковъ, но не въ мѣру ревностные „оживители“ нашего сѣвера, нашлі сіе почему-то неудобнымъ — древнюю Колу они безжалостно вычеркнули изъ списка всероссійскихъ городовъ и, невинно разжалованная, Кола теперь уже не городъ, а жалкій посадъ, Центръ уѣздной администраціи съ непонятною поспѣшностью перенесли въ Екатерининскую гавань, и тутъ-же основанъ ими новый городъ. Александровскъ; трудно уразумѣть — чѣмъ эти досушіе фантазеры могли-бы мотивировать подобныя несуразныя дѣйствія, чѣмъ оправдать весьма значительныя на сей предметъ расходы крупныхъ казенныхъ суммъ? А между тѣмъ „города“ въ Екатерининской гавани нѣтъ какъ нѣтъ, и можно съ увѣренностью утверждать, что никогда его здѣсь и не будетъ. Весь зачатокъ предполагаемаго города состоитъ изъ половины одной улицы — изъ одного ряда, около десятка одноэтажныхъ съ мезонинами, деревянныхъ домиковъ, расположенныхъ на высокомъ плоскогоріи (съ горы виднѣе); второго-же ряда домовъ эта полуулица врядъ-ли когда либо дождется. Ни одинъ логическій рѣзсуждающій человѣкъ не устроитъ своего жилища на такой высотѣ, куда подниматься и опускаться одинаково трудно, гдѣ нѣтъ защиты отъ холода и зимнихъ

бурь. Упомянутые домики заняты чинами и служащими уѣздной администраціи, такъ-что Александровскъ, строго говоря — не городъ и не село, а нѣчто оригинальное, изъ ряда выходящее; можно назвать его резиденціей уѣзднаго исправника или-же, безъ обычныхъ обывателей, бюрократическимъ поселкомъ, не имѣющимъ себѣ подобнаго во всей имперіи. Въ началѣ „будущей“ улицы выстроена не большая, но красивой архитектуры въ русскомъ стилѣ, церковь; соборная площадка также обнесена деревянными домиками; затѣмъ, по склону горы—на выступахъ, спускающіяся каскадами, стоятъ лавки, булочная и гостинница; отъ соборной площади внизъ подъ гору, къ парадной пристани проведена шоссированная дорога, на столько крутая, что возить тяжести по ней въ гору, болѣе чѣмъ затруднительно.

На противоположной сторонѣ гавани, на узкомъ скалистомъ холмикѣ, красуется видное зданіе, восдвигнутое для лабораторіи и участниковъ нашей ученой промысловой экспедиціи; на остальныхъ пригоркахъ вокругъ гавани видѣются еще нѣсколько рыбачихъ избышекъ, — словомъ, всѣ площадки уже заняты и нѣтъ больше свободныхъ мѣстечекъ для построекъ и расширенія будущаго города Александровска; вообще-же выборъ мѣста для основанія города на Кольскомъ полуостровѣ надо считать во всѣхъ отношеніяхъ въ высшей степени неудачнымъ.

Превосходная незамерсающая, глубокая, самую природою созданная, гавань, защищенная окружающими горами, вполне отвѣчаетъ своему назначенію, но для военнаго флота она слишкомъ тѣсна, а коммерческія суда едва-ли и въ далекомъ будущемъ найдутъ интересъ пойти къ этому

скалистому Мурманскому берегу — въ пустую Екатерининскую гавань.

Въ норвежскихъ фіордахъ, благоустроенные города и становища расположены амфитеатромъ въ глубокихъ бухтахъ, вдоль подножій окружающихъ ихъ высокихъ горъ; и всё прекрасно защищены отъ свирѣпствующихъ у береговъ. Ледовитаго океана зимнихъ штормовъ, а на вершинахъ горъ, сѣверяне устанавливають исключительно свои маяки и прочіе знаки для мореплавателей, и на высотахъ вы нигдѣ не увидите домовъ для жилья.

Воды Мурманскихъ рѣкъ и рѣчекъ находятся всё почти во владѣніи, необладающихъ сложными и дорогими снастями, лопарей Кольскаго полуострова; лопари ловили семгу исключительно неводами и часть рыбы имѣла возможность пройти вверхъ по теченію рѣки, въ удобныхъ мѣстахъ выметать икру и, при такихъ условіяхъ, посвятить потомство, но за послѣдніе годы лопари нашли для себя болѣе выгоднымъ получать за свои воды высокую плату и стали отдавать ихъ въ аренду петербургскимъ рыботорговцамъ; теперь, кромѣ неводовъ примѣняютъ къ дѣлу такъ называемыя „гарвы“, снасти, мимо которыхъ и такая хитрая, осторожная и чрезвычайно сильная рыба какъ семга, не можетъ проскользнуть; дорогая семга изъ года въ годъ мельчаетъ; уловы ея, во всѣхъ рѣкахъ сѣвера, замѣтно сокращаются; арендаторы, разумѣется, употребляютъ всё усилія и способы, чтобы увеличить добычу; съ тѣхъ поръ ловля семги приняла хищнический характеръ: безжалостно вылавливается икраяная рыба и никто не принимаетъ мѣръ къ предупрежденію истребленія рѣдкой рыбной породы. Въ мурманскихъ рѣкахъ ходъ семги продолжается обыкновенно съ середины мая до начала іюля. Въ Печорѣ наобо-

ротъ, — семга появляется лишь въ августѣ и ловля длится вплоть до начала заморозковъ, пока не станетъ рѣка; осенняя семга жирная, нѣжная и слѣдовательно самая цѣнная; на Печорѣ въ обильные годы вылавливали до 16 тыс. пудовъ; недавно еще продавали ее по 4—5 р. пудъ, но спросъ увеличивается, а уловы и на Печорѣ скудѣютъ. Въ 1903 году явились покупатели съ Урала и вступили въ конкуренцію съ петербургскими рыботорговцами; обоюдными прибавками такъ „набили“ цѣну, что въ концѣ сезона платили рыбакамъ по 32 р. за пудъ семги. Доставка рыбы гужомъ съ Печоры до Архангельска, частью на оленяхъ и лошадяхъ, обходится около 1 р. 40 к. съ пуда, стоимость посуды (ящички) и прочіе расходы, и въ общемъ семга обошлась самимъ рыботорговцамъ — оптовикамъ — до рубля за фунтъ.

При этой операціи, давнишній семужъ и король — Язиковъ и его новѣшій конкурентъ бр Крутовы, потерпѣли, якобы, чувствительные убытки, но, въ сущности, всякаго рода дифференціи, случающіяся въ торговыхъ оборотахъ купцовъ, ложатся всецѣло на карманъ невозмутимыхъ потребителей, безропотно раслачивающихся за всѣ ошибки и даже капризы нашихъ недалекихъ, ведущихъ дѣла только „себѣ на умъ“, усердныхъ служителей Меркурія.

Прорытіе Бѣломорско-Онежскаго канала, имѣющаго соединить Балтійское море съ Ледовитымъ океаномъ, пока еще въ проектѣ; сторонники этого грандіознаго сооруженія, возлагая на осуществленіе новаго воднаго пути въ будущемъ слишкомъ большое практическое значеніе, очевидно, нѣсколько увлекаются, прежде всего потому, что Онежское озеро, а также и Бѣлое море около 8 мѣсяцевъ покрыты льдомъ, и вслѣдствіе этого,

навигация весьма кратковременна; затѣмъ, въ силу малонаселенности нашего сѣвера вообще, а прилегающей къ будущему каналу мѣстности въ особенности, нѣтъ основанія ожидать оживленнаго по сему водному пути движенія; къ тому же Бѣлое море уже соединено съ центромъ Россіи и обѣими столицами рельсовымъ путемъ, по которому товарообмѣнъ и по настоящую пору очень не великъ. Все что можетъ дать малопродуктивная Архангельская губернія, не въ состояніи питать пути и окушать потраченнаго капитала; кромѣ сырья, мѣстнаго матеріала всѣхъ видовъ, дичи и рыбы ничего не предвидится а обратныхъ грузовъ изъ столицы на сѣверъ еще меньше, изъ чего логически слѣдуетъ, что экономическое и коммерческое значенія предполагаемаго канала, въ достаточной мѣрѣ призрачны. Въ стратегическомъ отношеніи каналу тоже важныхъ услугъ сулить не приходится, такъ какъ, помимо слишкомъ краткаго періода навигации, предстоитъ преодолѣть не легко устраняемыя препятствія, въ видѣ пороговъ на рѣкахъ Невѣ и Свири, — задача для гидротехниковъ весьма трудная. Съ большой осадкой военныя суда пользоваться каналомъ очевидно не могутъ и мало надежды чтобы Бѣломорско-Онежскій каналъ могъ оказатся соответствующимъ какъ для экономической, такъ равно и для военной цѣлей даже и въ далекомъ будущемъ. Проходъ вдоль сѣвернаго берега Азіи на Дальній Востокъ, вовсе еще не изслѣдованъ; извѣстному арктическому мореплавателю Норденшельду принадлежитъ честь открытія этого, весьма важнаго для насъ, новаго пути; съ тѣхъ поръ прошло 30 лѣтъ, но никто изъ моряковъ далѣе ново-сибирскихъ острововъ пройти не отважился, хотя знаменитый Нансенъ, а по его слѣдамъ и нашъ баронъ Толъ, съ усиліемъ

воспользовавшись указаніями Норденшельда, благополучно достигли того-же пункта, лежащаго на полпути до Берингова пролива; по вторая половина посылы того-же побережья, къ прискорбію, до настоящаго момента намъ совершенно неизвѣстна. Пора-бы подумать объ установленіи возможности свободнаго прохода по Ледовитому океану на нашъ Дальній Востокъ, сократить дорогу на 20 тысячъ верстъ. Притомъ по собственнымъ морямъ безъ опасенія встрѣтить враговъ; тогда разумѣется и вопросъ о Бѣломорско-Онежскомъ каналѣ пріобрѣтетъ иной смыслъ.

Быть можетъ желѣзная дорога, проложенная отъ Тихвина на Олонецкъ, Петрозаводскъ, Повѣнецъ, Выгозерскъ, Кемь и Колу, принесла-бы болѣе осязательныхъ выгодъ, чѣмъ означенный каналъ, способствовала-бы давно необходимому развитію сѣверныхъ губерній; значительнымъ приближеніемъ Ледовитаго океана къ столицѣ непрерывнымъ сообщеніемъ въ теченіе круглаго года, имѣлабы и въ стратегическомъ отношеніи извѣстное значеніе. Рядомъ, въ маленькой Финляндіи имѣется уже приличная, прогрессивно расширяемая, сѣтъ желѣзныхъ дорогъ; водныя сообщенія также всюду непользованы, грунтовыя дороги въ отличномъ видѣ, - тогда какъ въ прочихъ обширныхъ сѣверныхъ губерніяхъ, начиная отъ норвежской границы вплоть до Урала, почти полная первоцпытная бездорожница, и этотъ грустный фактъ служитъ вѣрнѣйшимъ подтвержденіемъ безкультурности цѣлаго края.

Заканчивая первую часть моихъ краткихъ замѣтокъ о большихъ мѣстахъ одной изъ нашихъ окраинъ, я въ слѣдующей серіи писемъ подробнѣе останавлиюсь на вопросахъ объ устройствѣ переселенцевъ - колонистовъ на Мурманѣ, объ организаціи звѣрнаго промысла вообще, о

возможности и необходимости постоянной осѣдлости промышленниковъ на островѣ Новая Земля, Вайгачѣ, Калгуевѣ, о характерѣ дѣятельности общества мурманскаго пароходства и пр.

Въ заключеніе не могу не повторить, что сѣверъ нашъ забыть родными, одержимыми неповоротливымъ медвѣжьимъ умомъ дѣльцами, — но міръ не безъ добрыхъ людей, и тѣмъ внимательнѣе относятся къ нему, легкіе на поминѣ, иностранные спекулянты.

На сѣверо-западѣ Россіи наши дѣвственные лѣса, недавно еще стоявшіе близъ береговъ сплавныхъ рѣкъ и линіи желѣзныхъ дорогъ, иностранцами на чисто „выбриты“ и увезены, а теперь они перенесли свою дѣятельность на далекій Сѣверъ; подъ Архангельскомъ по берегамъ Сѣверной Двины ими сооружено около двухъ десятковъ лѣсопильныхъ заводовъ, изготовляющихъ по данчымъ иностранными фирмами размѣрамъ — брусья, планки и прочій подѣлочный лѣсной матеріалъ, и на своихъ уже пароходахъ они увозятъ его за границу.

Шведской Компаніей и на Мурманѣ въ Мотковскомъ заливѣ былъ поставленъ заводъ, но подвозъ бревенъ оказался обременительнымъ и не выгоднымъ, и лѣсопилку живо перенесли на Печору; тамъ и въ прошломъ году нѣмцами устроенъ еще одинъ крупный заводъ о восьми рамахъ, такъ что съ раньше возникшими въ устьѣ рѣки Печоры теперь уже шесть иностранныхъ лѣсопильныхъ заводовъ, энергично эксплуатирующихъ дремучіе лѣса Россіи. Какъ это обидно для нашего національнаго самолюбія! Русскіе лѣсопромышленники видимо окончательно выродились, — не стало Громовыхъ и ихъ современниковъ — его замѣнили чужеземцы. Без-

грамотный, но обладающій здравой смекалкой и рѣдкой энергіей, русскій мужикъ Громовъ, блестяще доказалъ, что лѣсопромышленное дѣло съ успѣхомъ можно вести и широко развить безъ научно техническаго и даже безъ коммерческаго образованія; между тѣмъ и эта простѣйшая отрасль отечественнаго производства и торговли перешла въ цѣпкіе лапы иностранныхъ купцовъ.

Невольно спросишь; а гдѣ-же наше простое и образованное молодое поколѣніе, окончившее за послѣдніе десятки лѣтъ „курсы“ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній; неужто просвѣщенная дѣятельность ихъ ограничивается лишь „службой“ во всевозможныхъ департаментахъ разныхъ министерствъ, да въ качествѣ счетоводовъ, бухгалтеровъ и ихъ помощниковъ въ различныхъ, оперирующихъ въ Россіи, иностранныхъ фирмахъ? Просто диву даешься почему проявленія инициативы, практичной дѣловитости и предпріимчивости въ отечественномъ промышленномъ и коммерческомъ мірѣ стали великою рѣдкостью; или таковъ ужъ духъ времени? — даже въ толпѣ мужиковъ встрѣчаешь меньше даровитыхъ, — они тоже какъ-то оступили; вообще, люди, вродѣ Громовыхъ, отошли къ праотцамъ, ну, а въ послѣднихъ поколѣніяхъ замѣстителей не оказывается.

Молодежь двадцатаго вѣка въ большинствѣ — жалкій продуктъ уродливаго воспитанія нашего, до мозга костей испорченнаго, общества; высшія и среднія школы готовятъ одностороннихъ, малообразованныхъ „недорослей“, — куда-бы вы не обратились всюду наткнетесь на порочнаго бездарнаго субъекта, на молодца, который ни отца, ни матери не боится, Но виновата, разумѣется, не молодежь, а эта безнравственная среда, та ядомъ насыщенная атмосфера,

гдѣ ей суждено расти, жить и дышать. Виноваты прежде всего родители, воспитатели, учителя, опекуны и прочіе званые и непризванные руководители нашего современнаго юношества, и только къ „старшимъ“, по справедливости, слѣдовала бы примѣнить строгую кару по методѣ ки-Мещерскаго — подвергнуть ихъ основательной экзекуціи.

Свѣтлая страничка.

На столбцахъ газетъ ежедневно читаемъ массу грустныхъ извѣстій со всѣхъ концовъ нашего необъятнаго отечества. Одинъ эпизодъ мрачнѣе другого; сообщенія корреспондентовъ по телеграфу и по почтѣ, переполненныя печали и трагизма, наводятъ грусть и уныніе. Но отчаяніе овладѣваетъ лишь малодушными, тогда какъ люди покойные, уравновѣшенные, менѣе предаются тревогѣ, находятъ всегда утѣшеніе, хотя-бы въ выдающихся событіяхъ прошлаго.

Въ данный моментъ взоры всего міра были прикованы къ Дальнему Востоку; вся Россія съ трепетомъ ждала новой попѣды нашихъ моравовъ; къ постыднымъ пораженіямъ мы какъ то не привыкли и слышать объ нихъ не хотимъ; мы не только надѣемся, а рассчитываемъ что скоро все таки побѣдимъ и накажемъ враговъ, восстановимъ честь и славу предковъ и отстоимъ наши права и могущество на Востокѣ, завоеваніе котораго составляетъ свѣтлую страницу изъ нашей исторіи.

Еще въ половины XVII-го столѣтіе въ средѣ

туземцевъ далекой Сибири распространялась молва, что огромная рѣка, берущая свое начало въ самомъ сердцѣ Китая, впадаетъ въ малоизвѣстный Великій Восточный океанъ. Подстрекаемый заманчивыми слухами, предприимчивый казакъ Василій Боярковъ съ горстью товарищей, преодолевая множество препятствій, добрался въ 1664 г. благополучно до Амура, добылъ китайскую ладью, спустился внизъ по теченію и къ осени того-же года достигнулъ устьевъ Амура. Но Боярковъ этимъ не удовольствовался; онъ на стойчиво продолжалъ свой путь далѣе къ сѣверу, пока, близъ устья рѣки Улье, не потерпѣлъ крушенія. Тутъ онъ вынужденъ былъ перезимовать, чтобы съ наступленіемъ весны отправится въ обратный путь. Послѣ двухлѣтняго мытарства, онъ съ товарищами безъ всякихъ потерь вернулся обратно въ Якутскъ. Смѣлому Бояркову безспорно принадлежитъ честь открытія рѣки Амура и всей прилегающей къ ней богатой флорой и фауной, но, къ стыду сказать, по сіе время еще не использованной нами области.

Со дня возвращенія Бояркова не прошло и трехъ лѣтъ, какъ на сцену выступаетъ другой авантюристъ съ широкими завоевательными замыслами, казакъ Ерофей Хабаровъ, человекъ съ суровымъ характеромъ и съ весьма дурными наклонностями; онъ нещадно началъ громить мирныхъ подданныхъ Небесной Имперіи, но произведенныя имъ насилія и жестокости заставили нашихъ мѣстныхъ властей отозвать Хабарова

и водворить его на мѣсто прежней осѣдлости. Амуръ-же продолжалъ служить соблавною для многихъ; такъ, по стопамъ Хабарова, послѣдовали другіе смѣльчаки; стычки и мелкія сраженія между китайцами и нашими продолжались около двадцати лѣтъ; за этотъ періодъ времени между прочимъ особенно выдѣлялись казаки — Степановъ, Черниговскій и отличавшійся личной храбростью Толбузинъ; послѣдній, послѣ цѣлаго ряда битвъ, отчаянно защищалъ мѣстечко Албазинъ. Весь отрядъ его уже былъ перебитъ, онъ одинъ продолжалъ борьбу до послѣдней минуты, пока силы его совершенно изсякли и въ 1688 г. Толбузинъ наконецъ палъ послѣднимъ изъ бойцовъ. Въ томъ же году гр. Головинымъ поспѣшно былъ подписанъ Нерчинскій договоръ. Этимъ дипломатическимъ актомъ былъ поставленъ предѣлъ дальнѣйшимъ походамъ нашихъ сибирскихъ казаковъ. Казалось, что Приамурскій край для Россіи навсегда потерянъ.

Прошло полтора ста лѣтъ; наконецъ, въ 1846 г., Императоръ Николай I приказалъ изслѣдовать устья рѣки Амура, его окрестности и опредѣлить его значеніе для Россіи. Но порученіе это исполнили крайне небрежно и поверхностно; лейтенантъ Гавриловъ, подходя съ моря къ рѣкѣ, нашель, что фарватеръ въ устьѣ Амура слишкомъ мелокъ, морскимъ судамъ не доступенъ и кромѣ того донесъ, что Сахалинъ полуостровъ и въ экономическомъ отношеніи ничего собою не представляетъ. По полученіи такого, въ от-

рицательномъ смыслѣ составленнаго, доклада, — Амурскій вопросъ пересталъ интересовать Правительство и объ немъ почти забыли. Но счастливая случайность рѣшила дѣло въ иномъ направленіи.

Вновь назначенный генералъ губернаторъ Восточной Сибири, пользующійся громкою извѣстностью, Н. Муравьевъ, по собственной инициативѣ занялся Амурскимъ вопросомъ и искалъ для рѣшенія этой важной задачи подходящаго человѣка. Выборъ его оказался весьма удачнымъ; жребій палъ на молодого, восторженнаго, увлекающагося тѣмъ же Амурскимъ вопросомъ, капитана Невельского. Въ качествѣ командира транспорта «Бѣлякъ» Невельской, съ грузомъ продовольствія и разными запасами, предназначенными для поста Петропавлоскъ, и заручившись вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшеніемъ по собственному усмотрѣнію изслѣдовать и всесторонне изучить побережье Приамурья, радостно отправился въ путь. Посѣтивъ Петропавлоскъ, Невельской на обратномъ пути съ увлеченіемъ принялся за интересный для него трудъ. Въ 1849 году, «Бѣлякъ» полныхъ три мѣсяца лавировалъ около устья Амура. Все это время Невельской занимался измѣреніемъ морской глубины, дѣлалъ на берегу съемки, возстановилъ важный фактъ, что фарватеръ достаточно глубокъ и доложилъ, кромѣ того, своему начальнику, что Сахалинъ — островъ и отдѣляется отъ материка лишь весьма узкимъ проливомъ.

Муравьевъ разумется, не замедлилъ эти существенныя свѣдѣнія со своими обстоятельными комментаріями доставить Государю ; однако, значительная группа столичныхъ сановниковъ отнеслась къ открытіямъ и дѣятельности Невельского на дальнемъ и малознакомомъ Востокѣ, весьма скептически, называя, добытый имъ съ великимъ трудомъ, матеріаль — продуктомъ пылкой фантазіи ретиваго, не въ мѣру увлекающагося моряка. Императоръ Николай, тѣмъ не менѣе, поручилъ Муравьеву продолжать подробное изученіе новой мѣстности, во всѣхъ отношеніяхъ, но, во избѣжаніе возможнаго съ Китаемъ конфликта, бѣзусловно запретилъ Невельскому какой либо захватъ чужой территоріи. Весною 1850 г., нашъ неунывающій морякъ, съ полнымъ сознаниемъ важности возложенной на него задачи, быть можетъ и тайно ободреңный самимъ Муравьевымъ, отправился опять, на этотъ разъ въ парусной шлюпкѣ съ шестью лишь матросами, въ рискованное и трудное плаваніе. Достигнувъ безъ особыхъ приключеній намѣченной цѣли, онъ 1 августа того же года на сопкѣ «Гнезда», вопреки волѣ Государя, торжественно водрузилъ русскій флагъ и тутъ же основалъ становище, наименовавъ его «Николаевскимъ»^{*)}. Вѣсть объ отважномъ подвигѣ Невельского достигла столицы въ весьма неблагоприятную для него пору. Политическій горизонтъ былъ сильно омраченъ ;

^{*)} Нынѣ портъ Николаевскъ на Амурѣ.

вся Россія была встревожена, ибо мы стояли накануне Крымской войны, и правительству невольно приходилось избѣгать нежелательныхъ съ прочими державами инцидентовъ. Трусливая часть высшихъ дѣятелей въ столицѣ «благородно» негодовала, громко высказывая порицаніе къ нашему доблестному герою и съ рѣдкимъ единодушіемъ требовали осужденія дерзкаго смѣльчака-моряка. Образованная по этому поводу комиссія, послѣ долгихъ дебатовъ, глубокомысленно постановила подвергнуть Невельского строжайшему наказанію и основанный имъ постъ на Амурѣ немедленно разрушить и упразднить. Однако, Муравьевъ лично заступился за своего даровитаго сподвижника; послѣ убѣдительной просьбы послѣдовалъ указъ Государя образовать новую комиссію, подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника-Цесаревича (впослѣдствіи Александра II), для разсмотрѣнія амурскаго вопроса повсѣмъ теталямъ теоретически доступнымъ. Вторая комиссія оказалась на высотѣ своего призванія; опровергая мнѣніе предыдущей, она не только признала Невельского невиновнымъ, но указала на несомнѣнныя заслуги дѣльнаго и дальновиднаго капитана предъ отечествомъ. Государь, согласившись съ мнѣніемъ второй комиссіи и не взирая на крайне тревожное время, рыцарски великодушно простилъ Невельскаго и, въ довершеніе всего произнесъ историческое изрѣченіе: «Гдѣ уже поднять русскій флагъ онъ не долженъ опускаться». Эти знаменательныя слова и понынѣ служатъ луч-

шимъ украшеніемъ на сооруженномъ Невельскому памятникѣ во Владивостокѣ:

Одушевленному поощреніемъ самаго монарха; энергичному и смѣлому моряку предоставили и дальнѣйшее изслѣдованіе восточной приморской области; въ его распоряженіе поступили два молодыхъ офицера и шестьдесятъ человѣкъ нижнихъ чиновъ, что же касается подвижного состава, то таковой былъ до смѣшного мизеренъ: одна китобойная ладья, одна ёла и нѣсколько лодокъ мѣстнаго происхожденія составляли «гордую флотилію» экспедиціи Невельского въ бурливое Охотское море. Но духъ предприимчивости и любовь къ дѣлу преодолеваютъ всѣ преграды; нашъ морякъ стараго закала и тутъ обнаружилъ недюжинную силу воли и истинный патріотизмъ; несмотря на скудныя средства, онъ самостоятельно приступилъ къ постройкѣ парусной палубной яхты, работая со своей командой, не покладая рукъ, почти денно и ноцно; послѣ трехъ мѣсяцевъ упорнаго труда кузовъ судна уже готовъ былъ къ спуску на воду, но еще больше горя доставило ему оснащентіе новой яхты: гдѣ и какъ приобрѣсти необходимый для такелажа, хотя и небольшого суденышка, матеріалъ? Очевидно, что разрѣшеніе этого вопроса при данныхъ условіяхъ требуетъ отъ судостроителя много пракческаго ума и творческой силы. Такъ или иначе, но Невельской съ честью вышелъ изъ затрудительнаго положенія; на новой яхтѣ онъ въ Охотскомъ

морѣ совершалъ рядъ рискованныхъ переходовъ, основалъ цѣлую серію укрѣпленныхъ пунктовъ вдоль восточнаго побережья Сибири, а также на Амурѣ и въ Уссурійскомъ краѣ; словомъ, благодаря неустрашимымъ и настойчивымъ трудамъ и отвагѣ Невельскаго и его миниатюрнаго отряда,— Россія, нежданно негаданно, словно во снѣ, получили неоцѣнимый роскошный подарокъ, величиною въ королевство весьма приличныхъ размѣровъ, которому весь міръ и по сіе время не перестаетъ завидовать, хотя съ тѣхъ поръ прошло болѣе полвѣка.

Однимъ изъ выдающихся участниковъ, въ этомъ поистинѣ замѣчательномъ «пріобрѣтеніи», украсившемъ нашу исторію новой свѣтлой страничкой, является нашъ тогдашній посланникъ въ Китаѣ умный и смѣлый графъ Игнатъевъ. Его безпримѣрный подвигъ на дипломатичкомъ поприщѣ занесенъ золотыми буквами въ книгу нашей иностранной политики. Послѣ продолжительныхъ прещирательствъ ему удалось 14 ноября 1860 года у Пекинскаго правительства добиться подписанія знаменитаго акта, въ силу котораго вся Приамурская и Уссурійская области, документально были признаны закрѣпленными за Россіей. Личность гр. Игнатъева въ этомъ геройскомъ подвигѣ озаряется ореоломъ романтизма. Вѣсть о борьбѣ его среди массы враговъ-фанатиковъ звучитъ, какъ молва изъ сказочнаго міра. Такіе чудо-богатыри встрѣчаются только въ народныхъ былинахъ и уномя-

нутые выше казаки, капитанъ Невельской и графъ Игнатъевъ, — не легендарные, а историческіе герои. Существовавшіе и создавшіе самоотверженной и мужественной дѣятельностью блестящую эпоху въ лѣтописяхъ своей дорогой родины, они дѣйствовали самостоятельно и безкорыстно, какъ истые патріоты, — не чета нынѣшнимъ пигмеямъ-рыцарямъ, тоже безъ страха, но далеко не безъ упрека.

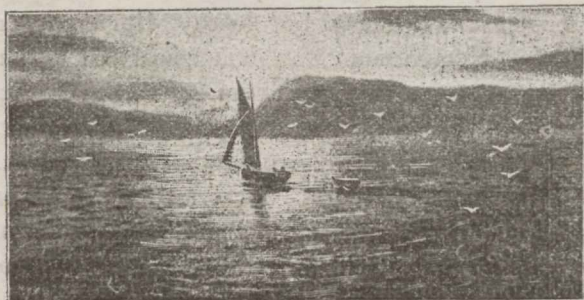
Графъ Игнатъевъ при Пекинскомъ дворѣ, въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ напрасно боролся съ враждебно относящимися къ нему мандаринами, причѣмъ жизнь его ежеминутно висѣла на волоскѣ, ибо до крайности раздраженные его непреклонною настойчивостью, китайскіе сановники обнаруживали явное намѣреніе, такъ или иначе, отправить его къ праотцамъ. Наконецъ, общими усиліями удалось имъ уговорить Богдыхана подписать указъ, на основаніи котораго, ненавистный имъ русскій посланникъ «подлежитъ немедленному удаленію изъ Пекина съ предписаніемъ выѣзда въ Монголію». Весь гигантскій трудъ оказался бы напраснымъ, если бы Игнатъевъ покорно повиновался приказанію китайскаго императора; однако, проницательный умъ подсказалъ ему, что въ Монголіи его ожидаетъ вѣрная гибель, и онъ мужественно рѣшилъ, не взирая на категорическое приказаніе Богдыхана, выѣхать изъ Пекина въ противоположномъ направленіи, т. е., на Тяньзинъ. Въ сопровожденіи пяти челоуѣкъ казаковъ, онъ очертя

голову пустился въ опасный путь, пробиваясь чрезъ полчища стоявшихъ между Пекиномъ и Тяньзиномъ китайскихъ войскъ; онъ вынужденъ былъ прибѣгать то къ мольбамъ, то къ угрозамъ, въ видѣ «благодарности» расточать краснорѣчіе и употреблять всевозможныя хитрости, пока не достигъ морского берега. По прибытіи въ Тяньзинь, Игнатъевъ тотчасъ же послалъ извѣстіе о своемъ критическомъ положеніи командиру клипера «Джигитъ» и 21 мая 1860 года, нашъ храбрый дипломатъ со своими казаками уже перебрался на судно, дабы, послѣ столькихъ лишеній въ трудномъ и рискованномъ путешествіи, свободно вздохнуть, оправиться и выждать болѣе благопріятнаго момента.

Все лѣто пришлось ему томиться на палубѣ «Джигита», не имѣя ничего опредѣленнаго въ виду, но зато внѣ опасности; а къ осени того же года представился и случай возобновить переговоры съ Китаемъ по поводу Приамурской области. Неожиданно подошли союзники, — англичане и французы, пристали къ Китаю, какъ говорится, съ ножомъ къ горлу. Тутъ Игнатъевъ съ ловкостью увертливаго адвоката, вмѣшался въ дѣло и, въ качествѣ представителя великой державы, благосклонно принялъ на себя роль посредника не упуская при этомъ изъ вида конечно и собственныхъ претензій, угрожая, что если его домогательства удовлетворены не будутъ тогда, вооруженной силой, съ суши и съ моря, Россія нагрянетъ на Китай... И, въ резуль-

татѣ всѣ документы касательно Приамурской области были фактически утверждены. Очевидно что такой блестящій успѣхъ нашей дипломатіи превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія петербургскаго кабинета.

А что успѣли совершить наши современники послѣдняго періода сановники-созидатели? вмѣсто того, чтобы заселить плодородный и дѣвственный Амурскій край, они съ лихорадочною поспѣшностью принялись строить желѣзные пути по чужимъ землямъ, никому не нужныя портовыя крѣпости, дальніе «лишніе» города и пр. и пр., ухлопавъ на эти, ни съ чѣмъ не сообразныя затѣй цѣлый миллиардъ рублей и, въ довершеніе, вызвале для дальнѣйшаго разоренія Россіи несчастную для насъ войну.

Бесѣда съ специалистомъ.

Всѣхъ поражающій фактъ полного уничтоженія русскаго флота въ Кореѣ проливѣ продолжаетъ служить темой безконечныхъ разсужденій моряковъ и сухопутныхъ всего міра — свои возмущены, враги радуются, но ни тѣ, ни другіе не могутъ себѣ уяснить истинной причины полной гибели такой морщной морской силы, сдѣлавшей благополучный небывало огромный пароходъ какъ изъ Ревеля до Цусимы. Въ самомъ дѣлѣ, если сопоставить два морскихъ сраженія 28 іюля у Портъ-Артура и 14 мая у острова Цусимы, невольно становится въ тупикъ — гдѣ же рѣшеніе этой проблемы? Адмиралъ Витгефть на „Цесаревичѣ“ вступилъ въ бой съ тѣмъ же грознымъ Того — положимъ онъ очень сильно пострадалъ, но онъ былъ и многослабѣе противника — тѣмъ не менѣе, какъ потомъ оказалось, и Того получилъ весьма серьезныя поврежденія и если бы Витгефть прожилъ еще нѣсколько часовъ, то весьма вѣроятно, что японская эскадра была бы совершенно разбита. Но Богъ судилъ иначе. Витгефть къ нашему несчастью безвре-

менно погибъ и съ такимъ успѣхомъ начатый морской бой не былъ доведенъ до конца, ибо у насъ не нашлось достойнаго ему замѣстителя и наши суда сейчасъ же послѣ смерти командующаго эскадрой успѣшили удалиться, — при этомъ, замѣтите, ни одинъ броненосецъ, ни одинъ крейсеръ, вообще ни одно изъ нашихъ судовъ потоплены не были. „Цесаревичъ“ со сломаннымъ рулемъ, весь избитый все же достигъ Чифу, „Аскольдъ“ Шанхая, а крейсеръ „Новикъ“, если бы у него хватило топлива, не застрялъ бы на Сахалинѣ, а былъ бы нынѣ цѣликомъ во Владивостокѣ; остальные уже наши суда подъ командою не особенно храбраго Ухтомскаго безпрепятственно дали медленно поворотъ и преспокойно вернулись обратно въ Артурскую гавань. Невольно возникаетъ вопросъ, — почему генеральный Того, не преслѣдовалъ ихъ — никого не посылалъ вдогонку за „Цесаревичемъ“, „Аскольдомъ“ и проч.? Очевидно, что и его эскадръ были нанесены столь тяжкія поврежденія, что онъ не былъ въ состояннн двинуться въ погоню и преслѣдовать нашихъ трусливыхъ бѣглецовъ, а въ свою очередь вынужденъ былъ искать убѣжища и понятно радовался и хохоталъ, что ему никто не мѣшаетъ идти въ ближайшій родной портъ. Воля важа, но между результатами этихъ двухъ морскихъ сраженій получается удивительный контрастъ.

И вотъ специалистъ глубокомысленно выражаетъ :

Вѣдь бой 28 іюня подъ Портъ-Артуромъ происходилъ въ открытомъ морѣ, тогда какъ Рождественскій очутился подъ перекрестнымъ огнемъ въ узкомъ Корейскомъ проливѣ. Это во-первыхъ. Далѣе я долженъ доложить вамъ, что на Портъ-Артурскомъ рейдѣ была собрана не вся морская сила Японіи; тутъ не было такого количества пловучихъ минъ, тутъ отсутствовали атаки многочисленныхъ японскихъ миноносцевъ, а о подводныхъ лодкахъ и поину не было, ибо послѣднія въ открытомъ морѣ вовсе не примѣнимы, тогда какъ эти же скрытіе враги у береговъ острова Цусимы съ одной и Японіи съ другой стороны изъ каждой бухточки могли выходить и нанести эскадрѣ Рождественскаго смертельные удары.

Положимъ, говорю, я съ вами согласенъ, но скажите, вы когда-нибудь бывали на медвѣжьей, охотѣ?

Какже, говоритъ специалистъ, собственноручно уложилъ двухъ косматыхъ мишекъ довольно внушительнаго размѣра.

Но, вѣдь, вы его берлоги не посѣщали, а терпѣливо ждали пока онъ выйдетъ къ вамъ на ружейный выстрѣлъ?

Понятно, подтверждаетъ онъ снова, на медвѣжьей охотѣ главное правило — осторожность.

Стало быть мы должны придти къ тому заключенію, что Рождественскій, войдя въ узкій мѣшокъ Корейскаго пролива, уподобляется опрометчивому и крайне неосторожному охотнику,

бросающемуся, очертя голову, прямо въ темную медвѣжью берлогу?

Ну, нѣтъ, возражаетъ морякъ-спеціалистъ, какъ все примѣры, такъ и вашъ сильно хромаетъ. Какъ нельзя сравнить Того съ генераломъ Таптыгинымъ, такъ же нельзя смотрѣть на Корейскій проливъ, какъ на медвѣжью берлогу.

Однако, говорю, нашъ отважный охотникъ потерпѣлъ полное фiasco и только, по счастливой случайности, безъ ружья, патроновъ и ягташа, весь израненный спасъ свою дорогую жизнь. Пока наша эскадра проходила Малакскій проливъ, стояла около Сайгона, въ Камранской бухтѣ, у острова Хайнана, наконецъ медленно двигалась мимо японскаго острова Формозы, т. е. въ непосредственной близости лютаго врага, она нигдѣ не встрѣчала даже слѣдовъ его, ибо онъ спокойно лежалъ въ своей уютной берлогѣ, терпѣливо ожидая появленія наивнаго охотника. Допустимъ, отъ Формозы до Владивостока ближайшій путь лежитъ чрезъ Корейскій проливъ. Разъ эта узкая тропинка занята звѣремъ, который тутъ всеми силами и средствами укрѣпился, а это логически должно было предвидѣть, то само собою разумѣется, если жизнь охотнику не надобна, если онъ умышленно не ищетъ самоубійства, онъ естественно обойдетъ звѣря окольными путями.

Но, имѣйте въ виду, говоритъ спеціалистъ, что путь вокругъ Японіи слишкомъ на тысячу миль дальше!

Позвольте, разъ наша эскадра обошла гро-

мадную Африку, то также могла бы имѣть на-
 послѣдокъ настолько выдержки и терпѣнія, чтобы
 обогнуть маленькую Японію, преспокойно придти
 во Владивостокъ, оправиться, отдохнуть со своей
 командой послѣ непомѣрнаго труда и надлежа-
 щимъ образомъ подготовиться къ бою въ такомъ
 же открытомъ морѣ, какъ и у Портъ-Артура.
 Если же допустить, что Того вздумалъ бы встрѣ-
 чать насъ у острова Сахалина, т. е. очень далеко
 отъ своей базы, тогда шансы были бы всецѣло
 на нашей сторонѣ. Представьте вы себѣ, что
 Того возымѣлъ бы желаніе блокировать Петер-
 бургъ, тогда бы онъ очутился при тѣхъ же об-
 стоятельствахъ въ берлогѣ русскаго медвѣдя
 между Кронштадтомъ и Ораніенбаумомъ, и мы
 потопили бы его флотъ также, какъ онъ потопилъ
 нашъ въ Корейскомъ проливѣ. А теперь
 остается только повторить, что на всякаго мудре-
 ца довольно простоты. Не проще ли было бы
 (какъ объ этомъ въ свое время прошелъ слухъ)
 вмѣсто того, чтобы мучить цѣлую армію моря-
 ковъ въ теченіи шести мѣсяцевъ, въ открытомъ
 морѣ, безъ выхода на берегъ и тратить чуть ли
 не 100 милліоновъ на прохожденіе этого огром-
 наго пути, — купить эскадру въ Аргентинѣ и
 прямо привести ее во Владивостокъ; и, очевидно,
 роковой для насъ Корейскій проливъ остался бы
 далеко въ сторонѣ. Но въ средѣ нашего морского
 вѣдомства произошелъ расколъ; необходимое и
 болѣе выгодное для насъ приобрѣтеніе судовъ
 для усиленія тихоокеанской эскадры не состо-

ялось*); наши созидатели отправили Балтійскую эскадру за тридевять земель, чтобы похоронить ее вмѣстѣ съ девятью тысячами нашихъ дорогихъ земляковъ въ темной пучинѣ Корейскаго пролива.

Не забудьте при томъ, что около острова Цусимы, строго говоря, настоящаго сраженія и не происходило, — по крайней мѣрѣ съ нашей стороны. Какой же это морской бой, когда въ самомъ началѣ четыре нашихъ броненосца, потерявъ балансъ, полетѣли кувыркомъ — встали килемъ кверху и канули въ вѣчность, а другіи четыре изъ главныхъ боевыхъ единицъ подъ командой Небогатова, на радость японцамъ, подняли бѣлый флагъ и безъ всякаго сопротивленія сдались въ плѣнъ, крейсера адмирала Энквиста послѣшили на ушекъ и пришли въ Маниллу; топлива ему на этотъ путь хватило, хотя такое разстояніе въ 2 раза далѣе, чѣмъ отъ Цусимы до Владивостока, — слѣдовательно одинъ только Рождественскій сражался и то лишь нѣсколько часовъ, а говорятъ о Морскомъ боѣ, какого міръ еще не видалъ.

Но объясните мнѣ толкомъ хоть одно странное обстоятельство, чему вы приписываете такіе невѣроятные возмутительные факты, какъ кувырки морскихъ боевыхъ судовъ; почему корабли, построенные учеными инженерами по по-

*) Объ этомъ замѣчательномъ фактѣ подробно сообщаетъ утреннее изданіе «Berliner Lokal-Anzeiger» отъ 16 мая с. г.

слѣдному слову современной техники, не обладаютъ существенными качествами первостепенной важности — „у стойчивостью“, и при малѣйшемъ кренѣ или колыханіи на волнахъ теряютъ равновѣсіе и опрокидываются точно утлые боченк. ?

Да, говоритъ мой собесѣдникъ, къ прискорбію это дѣйствительно такъ и по той простой причинѣ, что во всѣхъ бронированныхъ судахъ „центръ тяжести“ слишкомъ высокъ; въ нихъ нѣтъ того, что составляетъ непремѣнную принадлежность всякаго вообще плавающего на водѣ судна — „балласта“, безъ коего выходъ въ море — величайшій рискъ, но, приписывая всю вину нашимъ инженерамъ-судостроителямъ, вы судите крайне опрометчиво, ибо инженеръ-судостроитель присоставленіи проекта, по которому сооружается броненосецъ, опредѣляетъ съ металлической точностью центръ его тяжести, который при нормальной осадкѣ всегда находится значительно ниже ватерлиніи, обезпечивая судну покойное плаванье, т. е. полное сохраненіе равновѣсія на волнахъ. Но эти нормальныя, судостроителемъ установленныя условія, подъ командой практически неопытнаго судоводителя, подвергаются зачастую весьма существеннымъ измѣненіямъ, напр. на грузкою запасовъ топлива не въ трюмѣ судна, а на верхней или жилой налубѣ. Вотъ благодаря подобнымъ непростительнымъ распоряженіямъ командировъ и перемѣщается центръ тяжести броненосца выше опредѣленной нормы и судно естественно лишается своей обыкновенной устой-

чивости и приближается къ печальной возможности при малѣйшемъ кренѣ ковырнуться и нырнуть ко дну. Не нужно быть спеціалистомъ чтобы понять такую простую вещь, что судостроитель при подобныхъ обстоятельствахъ ни тѣломъ, ни душой виновенъ не бываетъ.

Я бы желалъ, между прочимъ, услышать также ваше мнѣніе относительно черноморскаго событія, такъ ужасно подорвавшаго добрую славу нашихъ моряковъ и окончательно показавшаго необходимость введенія немедленныхъ реформъ по всѣмъ отраслямъ, касающимся морского дѣла. Я обращаюсь къ вамъ, какъ къ компетентному лицу, знающему большія мѣста нашего флота; что вы можете сказать, какъ вы судите объ этомъ небываломъ происшествіи?

Да, смущенно говорить морягъ, тоже возмутительный фактъ, по существу своему — прямо ужасенъ. Я затрудняюсь указать вамъ точныя причины случившагося въ нашемъ флотѣ такого постыднаго и, къ сожалѣнію, не единственнаго событія, но полагаю, что главнымъ толчкомъ къ открытому мятежу матросовъ послужилъ во первыхъ совершенный упадокъ дисциплины, во вторыхъ слабость престижа и отсутствіе авторитета старшихъ чиновъ флота, затѣмъ вредное вліяніе пропаганды разныхъ агитаторовъ за послѣднее время въ особенности, съ которыми матросы имѣютъ возможность почти ежедневно сталкиваться, ибо часто бываютъ на берегу въ чайныхъ, трактирахъ и кабакахъ, изобилующихъ разнаго

рода подпольными субъектами, подстрекающими и отрывающими нашего матроса от добросовѣстной работы и его прямыхъ обязанностей; а тутъ еще подливаетъ масла въ огонь крутое съ ними обращеніе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и дѣйствительно плохой кормъ и масса прочихъ недостатковъ, совокупность коихъ переполняетъ всю чашу зла въ отношеніяхъ между высшими и низшими чинами судовой команды, такъ что, при малѣйшемъ недоразумѣніи, вспышка уже становится неизбежной. Къ этимъ деталямъ надо отнести и то, что и нынѣшній матросъ, комплектуемый изъ среды русскихъ мужиковъ, далеко не такъ неотесанъ и не такой слѣпоповинующійся простакъ, какимъ мы его знавали полвѣка тому назадъ. Не созрѣвшіе для цивилизаціи, но вкусившіе плодовъ ея, они уже ставятъ свои требованія прямо ребромъ, а получая отказъ, выражаютъ нескрываемое неудовольствіе, которое, если къ нему прибавить слабое понятіе нашего матроса о результатахъ послѣднихъ событій за бастовкахъ и проч., и служить къ зародышу бунта.

Въ общемъ-да, такъ; не смѣю спорить, но въ частности я съ вами положительно расхожусь во взглядахъ. Почему вы, напримѣръ, болшую вину непременно взваливаете на однихъ матросовъ, а объ офицерахъ совершенно гралчиваете. При трезвомъ, откровенномъ разсмотрѣніи этого серьезнаго вопроса надо бы поступиться самолюбіемъ и чувствомъ эгоизма, иначе

васъ можно заподозрить въ умышленномъ пристрастїи къ своимъ товарищамъ по службѣ. Вспомните нашихъ выдающихся и знаменитыхъ мореплавателей-вождей: Коцебу, Крузенштерна, Нахимова, Корпилова, Невельскаго, Врангеля, Чихачева, Литке и проч., — все они о русскомъ матросѣ единодушно отзываются въ высшей степени похвально, и я убѣжденъ, что ни одинъ изъ нашихъ современныхъ командировъ не согласился бы промѣнять свою команду на французскую или наемныхъ англичанъ или американцевъ, не смотря на то, что тѣ въ культурномъ отношенїи вообще и въ знанїи морского дѣла въ частности стоятъ много выше нашихъ матросовъ. Будучи еще юношей, я имѣя въ нашемъ флотѣ много знакомыхъ, часто посѣщалъ Кронштадтъ. Вначалѣ шестидесятыхъ годовъ вернулся изъ кругосвѣтнаго плаванїя съ гардемаринами деревянный фрегатъ „Дмитрій Донской“ подъ командой барона Майделя (Грегорій Евстафьевичъ). Первое впечатлѣніе, произведенное на меня обитателями этого судна было весьма тяжелое. Лица у всѣхъ темнобагровыя, выраженїе сосредоточенное, озабоченное; матросы, гардемарины и офицера бродятъ по всѣмъ направленїямъ, словно въ муравейникѣ; одинъ босикомъ, другой въ опоркахъ, третїй въ испачканной рубашкѣ; спуютъ по палубѣ, какъ сонныя мухи; офицера тоже въ измазанныхъ кителяхъ или даже безъ оныхъ, въ измятыхъ фуражкахъ съ потемнѣвшими кокардами. . . и только одно становится

яснымъ, что всё чѣмъ то заняты и одинъ другому не мѣшаетъ ; на мостикѣ командиръ, но онъ не волнуется, не кричитъ, а разсматриваетъ чрезъ подзорную трубу петергофскій берегъ ; всё какъ бы безъ него знаютъ, что имъ дѣлать и молча копошатся по палубѣ, такъ что мнѣ казалось, что я очутился въ обществѣ глухонѣмыхъ. А въ довершеніе всѣхъ этихъ странностей, я вдругъ услышалъ въ каютѣ, куда мы чрезъ нѣсколько минутъ съ Майделемъ пришли, грубый отвѣтъ деньщика на его окликъ; и я былъ окончательно разочарованъ порядками, царившими на большомъ фрегатѣ. Гдѣ же, изумлялся я, ваша многохваленная дисциплина, субординація и высокій авторитетъ? также положеніе, съ точки зрѣнія современныхъ моряковъ, — крайняя распущенность команды, полная деморализація! И представьте вы себѣ мое и ваше заблужденіе. Майдель, конечно, замѣтилъ мое смущеніе и съ готовностью поспѣшилъ съ разъясненіями на мой вопросительный взглядъ. Васъ удивляетъ прежде всего, сказалъ онъ, улыбаясь, — мой нахаль деньщикъ, и вы, не задумываясь, подписали бы его смертный приговоръ о разстрѣляніи въ 24 часа? Да, но у меня во всей командѣ только одинъ такой дерзкій уродъ и въ то-же время своего рода сокровище. Я плаваю съ нимъ уже добрый десятокъ лѣтъ и намъ приходилось претерпѣвать неисчислимое множество всевозможныхъ пертурбацій. . . Онъ безукоризненно честный и всегда, хотя въ рѣзкой формѣ, рѣжетъ

правду; кромѣ того онъ обладаетъ еще многими рѣдкими качествами, которыми я не могу не дорожить. Бесѣдую съ обыкновенно на англійскомъ языкѣ, но онъ довольно свободно болтаетъ и на французскомъ, и на нѣмецкомъ, и на испанскомъ. Я съ нимъ сжился, привыкъ къ нему, и, говорю откровенно, мнѣ очень будетъ тяжело разставаться съ нимъ. Что же касается остальной моей команды безъ ранговъ, похожихъ въ работѣ скорѣй на чумазыхъ ремесленниковъ, чѣмъ на флотскихъ офицеровъ, но могу васъ увѣрить, что каждый изъ нихъ знаетъ свое дѣло на-зубокъ и исполняетъ свой долгъ охотно и добросовѣстно. Всѣ безъ исключенія принимаютъ активное участіе даже въ черной работѣ, причемъ молодые изучаютъ свою спеціальность вполне основательно. Продолжительное дальнее плаваніе закаляетъ здоровье и характеръ и вырабатываетъ дальнихъ и смѣлыхъ моряковъ. При дальнѣйшихъ посѣщеніяхъ „Дмитрія Донского,“ я имѣлъ возможность вникнуть во внутреннюю жизнь команды и убѣдиться, что командира никто не боится, но всѣ его любятъ и уважаютъ и каждый матросъ готовъ за него хоть жизнь отдать. Онъ намъ, говаривали они, не начальникъ суровый, а отецъ родной; съ нимъ живемъ и служба напочемъ. Это была дѣйствительно большая, идеальная патріархальная семья съ отцомъ командиромъ во главѣ, который знаетъ чуть ли не біографію cadaго изъ своихъ матросовъ; онъ самъ полное омщевореніе

флегмы спокойствія и хладнокровія; обращеніе его съ подчиненными въ высшей степени ровное, мягкое; говоритъ никогда не возвышая голоса и мышъ краткими намеками, но всѣ его отлично понимаютъ и изъ кожи лѣзутъ, чтобъ заслужить похвалу командира, и это считалось высшей наградой, ибо Майдель никогда никого не бранилъ. При такихъ условіяхъ выработались самыя милыя отношенія; команда жила въ мирѣ и въ добромъ согласіи; на суднѣ господствовалъ образцовый порядокъ; взаимная дружба и любовь къ общему дѣлу и все, что вы называете режимомъ, дисциплиной, авторитетомъ и проч. здѣсь было блестяще достигнуто просто добрымъ словомъ; понятно, что и офицера, проникнутые тѣмъ же духомъ, во всемъ подражали своему достойному начальнику. Каковъ пошъ, таковъ и приходъ.

Охотно допускаю, говоритъ морякъ, совершенную вѣроятность вами рассказаннаго, но вѣдь то были „времена“, а теперь уже не то. Кромѣ того въ дальнемъ плаваніи нѣтъ посторонняго вліянія, некому развращать нравы нашихъ малоразвитыхъ матросовъ; да и люди уже не тѣ, что были тогда . . .

Врядъ ли вы и въ этомъ отношеніи правы. Я помню нашего матроса періода шестидесятихъ годовъ, знаю и нынѣшняго, и могу удостовѣрить, что существенной между ними разницы констатировать не приходится. Все тѣ же, получившіе на службѣ нѣкоторую политуру мужички-прос-

таки, тѣ же безотвѣтные и способные работники, съ которыми смѣло можно и плавать, и воевать, но офицерство, въ сравненіи съ прежнимъ, стало неузнаваемо. вмѣсто тогдашняго морского волка вы теперь встрѣчаете сухопутнаго франта-сибарита, на булочкахъ воспитаннаго, бѣлоручку; и что обиднѣе всего — сплошь да рядомъ в дите его верхомъ на лошади, велосипедѣ или автомобилѣ, съ которыми мундиръ моряка находится въ такомъ рѣжущемъ несоответствіи для васъ, и такъ ужъ все это за послѣднее время стало обычнымъ, недостаинымъ вниманія, что морякъ, считая себя вполне правымъ, не перестаетъ съ восторгомъ увлекаться различнаго рода спортомъ „на берегу“. Влажная стихія его не интересуется и онъ ее не любитъ. Такимъ избалованныхъ щеголей слѣдуетъ перевести на службу въ провинціальныя гарнизоны, а вмѣсто ихъ подобрать труженниковъ, способныхъ нести тяжелую и отвѣтственную морскую службу. Затѣмъ вы приписываете слишкомъ большое значеніе социалистамъ - агитаторомъ, и я позволю себѣ привести, въ опроверженіе вашего взгляда, фактъ изъ неособенно давняго прошлаго. Во время турецкой войны мнѣ довелось жить въ странѣ свободу. Въ бытность мою въ Филадельфій фирма „Крампъ и сынъ“ строила для насъ разомъ четыре крейсера: „Европу“, „Африку“, „Азію“ и „Забіяку“, въ сооруженіи коихъ я, въ качествѣ техника, принималъ участіе. Команды для этихъ крейсеровъ, болѣе шестисотъ

матросовъ и около семидесяти офицеровъ, прибыли изъ Петербурга „инкогнито“ на панятомъ въ Германіи пассажирскомъ пароходѣ „Цимбрія“, который всталъ на якорь въ рѣкѣ Делаваръ и служилъ больше года жилищемъ для нашихъ моряковъ до полной отдѣлки помянутыхъ крейсеровъ (Аренду за „Цимбрію“ наше правительство платило между прочимъ по 40 тысячъ руб. въ мѣсяць). Моряки наши, прибывшіе въ Америку частнымъ образомъ, пользовались полной свободой, оставаясь преспокойно на берегу сколько заблагоразсудится и о дезертиствѣ при такихъ условіяхъ не могла быть и рѣчи. Бѣглецы фанатики, нигилисты изъ Петербурга (между ними извѣстный въ то время революціонеръ Чайковскій) въ теченіи цѣлаго года въ бесѣдѣ съ матросами и офицерами расточали краснорѣчіе, представляли всевозможные доводы и массу соблазна, но рѣшительно никакого успѣха не имѣли; изъ всего количества матросовъ только двое остались въ Америкѣ и то лишь потому, что ихъ заинтересовалъ крупный заработокъ: отъ 2-3 долларовъ въ день; да еще одинъ молодой инженеръ-механикъ соблазнился тѣмъ же; ему предложили выгодное занятіе въ качествѣ чертежника. Въ общемъ такой ничтожный 0/0, такое исключеніе, котораго въ расчетъ принять нельзя. Нѣтъ, нашъ простолюдинъ, какъ солдатъ, такъ и матросъ, крѣпко любятъ свою родину; ихъ политическими рѣчами съ только не собьешь. Другое дѣло русскій интеллигентъ; тотъ въ боль-

шинствѣ случаевъ, не въ укоръ будь ему сказано, плохой патріотъ. Матросъ нашъ требуетъ лишь то, на что всякій человѣкъ имѣетъ неотъемлемое право, т. е. гуманнаго съ нимъ обращенія. Не откажите ему въ этомъ и лучшаго сотрудника на морѣ вамъ не сыскать.

Морякъ въ принципѣ согласился и споръ нашъ окончился.

Земля — кормилица. (проектъ)

Учисься, говорятъ, никогда не поздно; учатся старики, болѣе зрѣлые, чѣмъ мы народы, совершенствуются націи уже въ солидномъ возрастѣ; мы же народъ молодой — намъ учиться и Богъ велѣлъ.

Сколько бы не твердили, что Европа насъ опередила, что мы отъ запада отстали на много вѣковъ. но изъ этого еще не слѣдуетъ, что-бъ мы, если-бъ серьезно захотѣли, не могли догнать гордящихся своей высокой культурой передовыхъ націй. Мы дѣти поздняго развитія, наши силы еще не утрачены, мы вполне можемъ достичь той же степени совершенства, и къ этому мы должны стрелиться всѣми силами и средствами, — а силъ и средствъ у насъ непочатый край. Подражать другимъ вещь не мудреная, шагать впередъ по готовой тропѣ всякій сумѣетъ, надо лишь приступить къ дѣлу а направить запасъ энергіи на вѣрный путь. Одно намъ вѣчно мѣшаетъ, что грѣха таить, — мы ужасно лѣнливы, работать не любимъ, а потому и производительность наша крайне ограничена; но пора лѣнь

съ плечъ стряхнуть и энергично принятыся за трудъ, а въ трудѣ многое заключается; ученіе, интересъ, развлеченіе и даже пріятный отдыхъ, правда, слаба въ насъ вѣра въ собственную мощь; но вѣра крѣпнетъ достигнутыми успѣхами, а успѣхъ является результатомъ работы; необходимо учиться и трудиться и только на этомъ пути постижимы самосовершенствованіе и приближеніе къ желанной цѣли.

Исторіей и наукой рѣшительно установлено, что главный принципъ внутренней иполитики государства — прежде всего заботиться о томъ, чтобы больше было сытыхъ, тогда число недозвольныхъ само собою уменьшится, ибо общее благосостояніе служитъ зѣрнѣйшей гарантіей внутренняго спокойствія, отсутствіе коего въ данный моментъ всюду особенно сильно ощущается.

Россія государство земледѣльческое по преимуществу, но эту старую истину мы, къ прискорбію, совершенно угнорируемъ. У насъ на примѣръ: 9 университетовъ, 12 техникумовъ, 6 духовныхъ, 4 юридическихъ (спеціальныхъ), даже 4 ветеринарныхъ и только три высшихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній. Въ такомъ же точно пренебреженіи и практическая сторона нашего земледѣлія, — масса дворянскихъ земель въ залогѣ, продаются съ аукціона и переходятъ въ большинствѣ случаевъ въ руки людей съ земледѣліемъ ничего общаго не имѣющихъ. Не лучше обстоятъ дѣла нашего крестьянскаго

хозяйства: мѣстами полные неурожаи и ихъ неизбежные спутники голодъ и эпидеміи повторяются чаще прежняго, пора подумать о средствахъ къ предупрежденію прогрессивно увеличивающейся угрозы.

Необходимо принять радикальныя мѣры и немедленно и энергично примѣнить ихъ къ дѣлу: расширить площадь посѣва и поднять культуру почвы, а это возможно исключительно у насъ въ Россіи благодаря огромному пространству плохо или все необработанной удобной земли. Въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи изъ общаго количества, около 430.000,000 десятинъ, казнѣ принадлежитъ 140 милліоновъ десятинъ, Удѣльному вѣдомству слишкомъ 7 милліоновъ десятинъ, словомъ, третья часть всей земли принадлежитъ государству и эта изрядная малообработанная площадь не даетъ почти никакого дохода.

Наша милліонная армія представляетъ собою мощную, но непроеводительную, — она могла бы въ лѣтнюю пору заняться хлѣбопашествомъ и въ этой области оказать дорогой родинѣ неоцѣнимую услугу; прежде всего на казенныхъ земляхъ, въ заложенныхъ и запущенныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, преимущественно въ центральныхъ, юго-западныхъ и западныхъ губерніяхъ, — всюду, гдѣ, по стратегическимъ соображеніямъ, и теперь масса войскъ сосредоточено. Нашъ земледѣлецъ-солдатъ, проводя лѣто за привычной полезной полевой работой подь

руководствомъ практически опытныхъ агрономовъ, научится правильно воздѣлывать почву, пріобрѣтетъ вѣрное понятіе о важномъ значеніи хорошихъ сѣмянъ, вспахиваніи поля плугомъ, объ уваживаніи и искусственномъ удобреніи земли, о скотоводствѣ, расчисткѣ луговъ и многому другому, о чемъ онъ раньше не зналъ, знать не могъ, и по своей природной косности знать не хотѣлъ, а по окончаніи лѣтнихъ работъ у него достаточно остается досуга — осень, зиму и весну, — посвятить военному искусству.

На войнѣ солдатъ нашъ храбръ и выносливъ, а вступая форсированнымъ маршемъ въ работу на любимую пашню, онъ своимъ трудомъ одержитъ такую великую и блестящую побѣду, о которой исторія узнаетъ впервые. Съ помощью нашего солдата Россія вновь явится внѣ конкуренціи, опять станетъ «житницей Европы», достигнетъ полной экономической независимости и заставитъ земледѣльческими орудіями, плугомъ, бороной, враговъ нашихъ болѣе тренетать, чѣмъ предъ пушками, берданками и штыками, и «сѣверный колоссъ» займетъ подобающее ему мѣсто на твердомъ фундаментѣ экономической мощи. Если солдатъ своимъ лѣтнимъ трудомъ прокормитъ и вознаградитъ только себя, общество офицеровъ и обогатитъ полковую кассу, и то въ результатѣ окажется почтенная цифра въ 400 милліоновъ рублей экономіи въ годъ. Но самое важное заключается въ томъ, что нашъ безотвѣтный воинъ, прошедшій четырехъ-лѣтній курсъ

практическаго земледѣлія, вполнѣ освоится съ образцовымъ веденіемъ полеводства во всѣхъ его подробностяхъ и, уходя въ резервъ, онъ возвратится въ родную деревню съ дорогимъ запасомъ въ высшей степени полезныхъ свѣдѣній, которыми онъ не преминетъ подѣлиться со своими отсталыми односельчанами. Вѣдь нашей деревнѣ только и недостаетъ практическихъ руководителей, могущихъ внести въ дѣло нѣкоторую организацію, полевые приѣмы въ обработку почвы и хотя бы незначительныя техническія измѣненія въ первобытныя условія нашего жалкаго крестьянскаго хозяйства.

Всѣмъ извѣстно, что ученые агрономы нашихъ земствъ на крестьянскія хозяйства, въ смыслѣ улучшенія ихъ, пока ни малѣйшаго вліянія не имѣли, что муястикъ нашъ къ «господамъ» относится скептически и ихъ мудрыхъ толкованій не понимаетъ, — солдатъ же въ запасѣ и отставку лучше всякаго другого сумѣетъ себѣ подобному внушить пользу и цѣлесообразность примѣненія новыхъ практическихъ приѣмовъ въ производствѣ хлѣбопашества; мужикъ отнесется къ нему съ полнымъ довѣріемъ, пойметъ его простую рѣчь и охотни послѣдуетъ его совѣту и живому примѣру. Рыбакъ рыбака видитъ съ далека. Очевидно, что вліяніе такихъ практическихъ агрономовъ на нашу деревню будетъ самое благотворное, — оно явится незамѣнимымъ средствомъ къ быстрому переходу отъ примитивнаго къ болѣе раціональному веденію нашего

крестьянскаго хозяйства, и нѣтъ основанія сомнѣваться въ полномъ успѣхѣ этого легко доступнаго нововеденія.

Весьма понятно, что четырех-лѣтняя оторванность крестьянина отъ земли отражается на его характерѣ самымъ пагубнымъ образомъ, — онъ отвыкаетъ отъ обычнаго труда и заражается свойственными казармамъ пороками; лѣтомъ въ лагерѣ у солдата слишкомъ много досуга; а праздность порождаетъ у простаго человѣка только одни дурныя качества и онъ, выходя въ запасъ или въ отставку, вноситъ въ родную деревню неотразимую деморализацію, борьба съ которой ни реформамъ, ни никакими административнымъ мѣрамъ не подѣ силу.

Разобщеніе съ кормилицей-землею для крестьянина несчастіе, оно одинаково опасно и для государства. Съ дня введенія у насъ всеобщей воинской повинности деревня ежегодно теряетъ массу производительной силы, ибо крестьянинъ, облѣбнившись и избаловавшись на военной службѣ, послѣ долгой разлуки съ землею разлюбилъ ее; вновь уже неохотно приступаетъ къ тяжелому труду, а ищетъ «мѣста» — швейцара, дворника, сторожа въ торговлю и прочихъ легкихъ занятій, а деревня его уже мало привлекаетъ. Поэтому необходимо и во время службы въ войскахъ поддерживать и воспитывать въ нихъ прежде всего искру Божію, святую любовь къ родной нивѣ, обогатить его спеціальными и интересными для него познаніями, не допуская

заглохнуть тѣмъ чуднымъ задаткамъ и способностямъ, которыми природа его такъ щедро надѣлила, — земледѣліе его наисущная физическая потребность, вражденный элементъ, освященный вѣками факторъ, онъ инстинктивно влечетъ къ землѣ, и это естественное стремленіе заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія въ видѣ поощренія и поддержки со стороны общества и государства.

Существующія и вновь возникающія сельско-хозяйственныя школы всѣхъ наименованій и въ общей ихъ совокупности могутъ только въ далекомъ будущемъ дать сладкій толчекъ къ улучшенію и развитію нашего до крайности запущеннаго земледѣлія, — вопросъ неопредѣленнаго времени, но помощь нужна немедленно, ибо хлѣбъ на исходѣ и бѣда надвигается неумолимо; а чѣмъ мы ее отразимъ?

Сравнивая значеніе нашихъ малочисленныхъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній съ обученіемъ и возможно скорою и непосредственною производительностью на обширныхъ поляхъ нашей арміи, въ качествѣ хлѣбопашца, первое сводится положительно къ нулю.

Для облегченія осуществленія этой простой мысли ни дѣлѣ, слѣдуетъ привлечь къ содѣйствію казенные механическіе заводы, въ извѣстныхъ отдѣлахъ которыхъ можно бы было, безъ особеннаго обремененія бюджета; изготовлять въ одномъ заводѣ по лучшимъ новѣйшимъ образцамъ локомобили, въ другомъ молотилки, въ

третьемъ плуги и желѣзныя бароны и т. д., и снабдить ими тѣ войсковыя части, которыя по очереди приступаютъ къ воздѣлыванію казенныхъ земель; къ каждому полку съ вольнаго найма пригласить по одному ученому и одному опытному практику-агроному и успѣхъ дѣла можно считать обезпеченнымъ.

Государство выиграетъ отъ этихъ мѣропріятій еще и въ томъ отношеніи, что культивированная почва въ казенныхъ имѣніяхъ неминуемо поднимется въ цѣнѣ и будетъ давать неслыханный домолѣ чистый долодъ.

Руководствуясь этого цѣлью, можно, безъ всякаго риска общую численность нашей арміи значительно увеличить, чтобѣ тѣмъ быстрѣ поднять уровень интеллекта нашей темной деревни.

Само собою разумѣется, что этимъ путемъ въ каждомъ полку образуется своя хозяйственная экономія съ собственными запасами въ натурѣ и капиталахъ. Полки станутъ въ большей независимости отъ нашего давно уже, не стоящаго на высотѣ своего призванія, требующаго значительнаго сокращенія и коренной реорганизаціи, отжившаго свой вѣкъ интендантскаго управленія. Публицисты, полемизирующіе о мало-земельѣ нашихъ крестьянъ, совершенно забываютъ, что урожаи и неурожаи въ прямой зависимости не отъ количества, а отъ качества земель, ибо при хорошей обработкѣ и надлежащемъ удобреніи одна десятина дастъ столько же хлѣба, сколько при плохихъ условіяхъ не даютъ

три десятины. Опытные, практически знакомые съ хлѣбопашествомъ, люди этого факта конечно оспаривать не станутъ и о прирѣзкѣ земли крестьянамъ ратовать не будутъ. Но они скажутъ — надо учиться и трудиться и хлѣба будетъ вдоволь, платежная способность мужика подыметъ, вывозъ нашего зерна увеличится раза въ три противъ преяснаго, наша государственная задолженность уменьшится, курсъ нашего рубля возвысится и вмѣстѣ съ тѣмъ минетъ навсегда печальная дѣятельность провинціальныхъ администраторовъ, съ усердіемъ выколачивающихъ подати у крестьянъ.

Самымъ краснорѣчивымъ подтвержденіемъ приведенного выше взгляда елужить бывшая война англичанъ съ бурами, въ которой простые пастушкы-земледѣльцы, въ далеко неравной борьбѣ, въ теченіи двухъ слѣшкомъ лѣтъ успѣшно выдерживали натискъ огромной регулярной арміи просвѣщенныхъ мореплавателей; и наши доблестные, никому не уступающіе, казаки вѣдь тоже хлѣбопашцы; рыдаки и охотники, но всегда и всюду за себя постоятъ; точно также и нашъ крестьянинъ - солдатъ можетъ безъ малѣйшаго ущебра для военнаго дѣла, одну треть года удѣлить продуктивному труду на любимой имъ родоой нивѣ и такимъ образомъ вывести нашу, теперь такъ сильно страдающую страну изъ экономическаго кризиса. Вѣдь и это святая и богоугодная служба Царю и Отечеству.

Письмо въ Редацію.

Милостивый Государь

Господинъ Редакторъ!

Въ № 34 с. г. Вашего уважаемаго журнала напечатано письмо г. Д. Бразуль-Брешковскаго, въ которомъ онъ находитъ нужнымъ „внести поправки и комментарий“ къ моему четвертому письму съ Мурманна (№ 11 за прошлый годъ „Море и его жизнь“), остальные же восемь моихъ писемъ-строгий критикъ или умышленно игнорируетъ, или онъ опять отправится „за границу“, дабы рассмотреть ихъ въ русскомъ журналѣ, хотя бы на это понадобилось новыхъ девять мѣсяцевъ, и онъ тогда замѣтитъ, что я имѣлъ дерзость угрожать еще серіей писемъ о томъ же далекомъ Сѣверѣ.

Я весьма признателенъ моему почтенному оппоненту за внесенныя имъ „поправки“ въ вѣрное наименованіе двухъ рыбаковъ, но я долженъ замѣтить, что вина въ данномъ случаѣ всецѣло падаетъ на корректора или наборщика. Можно, конечно, и этому „удивляться“, разъ оно

кажется достойнымъ удивленія, но назовемъ ли мы рыбу зубаткой или зубасткой, ошибка во всякомъ случаѣ не важная, и придирааться къ подобнымъ мелочамъ серьезнымъ людямъ какъ то не къ лицу.

Поддѣлываясь къ саркастическому тону письма г. Бразуль-Брешковскаго, я не могу тѣмъ болѣе пройти молчаніемъ затронутыхъ имъ крайне существенныхъ вопросовъ-прежде всего, „о колонизаціи Мурмана исключительно поморами“ — исторія колонизаціи этой окраины, какъ видно, мало ему знакома.

Въ томъ то и суть, что поселить помора, несмотря на казенную субсидію и ссуду, которыми его снабжали по сихъ поръ, такъ и не удалось. Помора на постоянную осѣдлость на Мурманъ и калачемъ не заманешь; лишь немногіе изъ нихъ рѣшились стать колонистами, но и тѣ по настоящую пору нищенствуютъ. Не способность помора къ осѣдлой жизни на Мурманѣ и до, и послѣ меня, уже многими констатировано*); въ концѣ концовъ, наша дальновидная администрація, чтобы хоть нѣсколько оживить сѣверъ, пригласила на Мурманъ норвежцевъ которые, получивъ отъ насъ опредѣленную казенною ссуду и субсидію, перебравшись, понятно съ ра-

*) 1) Талантливый обозрѣватель Сѣвера, Максимовъ. (Вѣстникъ Европы) 2) Канотовичъ, основательный исследователь промысловой жизни Мурмана «Очерки Сѣвера», 3) Носиловъ, знатокъ сѣвера; рядъ статей, помѣщенныхъ въ «Нов. Времени»; 4) А. М. Филиповъ. «Нов. Вр.» 1905 годъ, л. 10220; и др.

достью, заняли всю почти западную часть Мурманскаго берега, живутъ и понынѣ въ полномъ довольствѣ и многіе изъ нихъ, эксплуатирую пріѣзжихъ поморовъ и русскихъ колонистовъ, даже быстро разбогатѣли. Вотъ вмѣсто враждебныхъ намъ норвежцевъ я и предлагаю привлечь на осиротѣлый Мурманъ русскихъ рыбаковъ-охотниковъ изъ прочихъ сѣверныхъ губерній, полагая, что такая мѣра болѣе соотвѣтствуетъ интересамъ и цѣлямъ государства. Если же мои соображенія не правятся г. Бразуль-Брешковскому, который всему „удивляется“ и все сказанное мною находитъ „страннымъ“, — онъ воленъ подтвердить противное, но фактами, а не голословными „комментаріями“. Поморъ, какъ человѣкъ, мнѣ очень симпатиченъ и я его горячо защищаю (см. У и У I письма съ Мурмана, „Море и его жизнь“), но повторяю, въ качествѣ колониста на Мурманѣ, онъ уже неоднократно доказалъ свою полную несостоятельность и главною причиною несомнѣнно служить трудно излѣчимая „алкоголика“.

Далѣе, г. Бразуль-Брешковскій авторитетно и съ такимъ же апломбомъ отрицаетъ необходимость на Мурманѣ бондарнаго завода, упуская изъ вида, что Бѣлое море болѣе семи мѣсяцевъ сковано льдами, тогда какъ на всемъ протяженіи норвежскихъ шхеръ пароходное сообщеніе круглый годъ не прекращается — не прикажетъ ли онъ подвозить бочки къ Мурману за тысячу верстъ на оленьяхъ или же выписывать нужную

тутъ деревянную посуду изъ Христианзунда, смѣю замѣтить, что мы до такихъ абсурдовъ часто доходимъ. Таковую простую вещь понимаетъ младенецъ, — что тамъ, гдѣ ловится рыба, добывается въ изрядномъ количествѣ жиръ и звѣриное сало; нужна и найдешевая посуда, а въ ней на Мурманъ, даже въ лѣтнюю пору, ощущается недостатокъ — примѣровъ, подтверждающихъ мое сообщеніе, множество. Въ Кольской губѣ не разъ случались обильные уловы акулъ — жиру (печень акулы) добывали тысячами пудовъ и за неимѣніемъ бочекъ Кольскіе рыбаки наполняли акулымъ жиромъ стояція на берегу открытыя лодки, но и этихъ вмѣстилищъ оказывалось недостаточно. Очевидно, что отправка жира въ Норвегію въ такой оригинальной посудѣ не совсѣмъ удобна. Кромѣ того мы не теряемъ надежды, что наши „ученныя“ санитарныя комиссіи наконецъ обратятъ вниманіе на антигигіеническій способъ солки трески въ грязныхъ трюмахъ кораблей и предпишутъ поморамъ-торгашамъ употреблять для этой цѣли лучшаго качества чистую соль и опрятную посуду; трески же вылавливаютъ въ мурманскихъ водахъ сотни тысячъ пудовъ и для солки ея потребуется большое количество бочекъ. Специалисты рыбнаго дѣла въ Россіи давно объ этомъ говорятъ, съ имѣніемъ которыхъ нельзя не согласиться — всякъ куликъ въ своемъ болотѣ великъ.

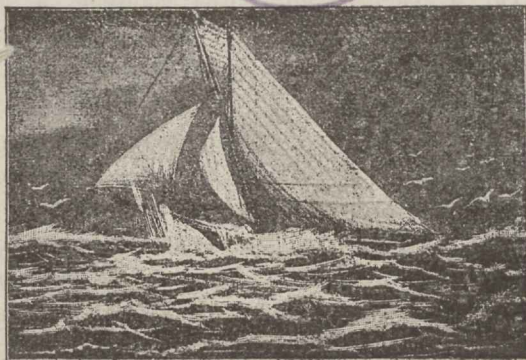
Затѣмъ г. Бразуль-Брешковскій „думаетъ“,

что „благосостояніе мурманскихъ промысловъ въ прямой зависимости отъ основанія начальныхъ школъ, а также того типа, который Комитетъ для помощи поморамъ русскаго сѣвера назвалъ рыбацкими.“ Само собою разумѣется, что противъ распространенія грамотности въ народѣ никто спорить не станетъ, но невольно спрашиваешь-гдѣ же эти школы, когда онѣ появятся? Я покинулъ Мурманъ въ прошломъ году, но о „рыбацкихъ“ школахъ еще и помину не было; весьма возможно, что проекты и программы многовѣщательныхъ рыбацкихъ школъ разрабатываются въ означенномъ Комитетѣ, но вѣдь у насъ держится все въ глубокой тайнѣ, сокровища чиновничьяго творчества бояся свѣта дня ихъ проекты тщательно хранятся въ нѣдрахъ темной канцеляріи, а оповѣстить любопытную публику о типахъ новыхъ разсадниковъ просвѣщенія считаютъ излишнимъ. Однако „рыбацкихъ“ школъ на Мурманѣ пока даже еще не строятъ, а рыбные промыслы гибнутъ и несчастные рыбаки голодаютъ. Къ тому же не подлежитъ сомнѣнію, что одной грамотности для подъема экономическаго состоянія сѣверянъ совершенно недостаточно, тутъ требуется прежде всего коренное измѣненіе въ технику рыбнаго и звѣриннаго промысловъ и соотвѣтственная матеріальная поддержка-положимъ, практика безъ теоріи беспомощна, но и теорія безъ практики слѣпа. Мурманскіе колонисты, также поморы, уже давненько ждутъ, не дождутся „радикаль-

ныхъ“ мѣропріятій отъ богатаго Комитета помощи для поморовъ русскаго сѣвера.

Нѣтъ, г. Бразуль-Брешковскій, скажу и я въ свою очередь, по Вашему рецепту горю не помочь, ибо Вами неправильно постановленъ діагнозъ. Прежде, чѣмъ приступить къ опроверженію соображеній практически опытныхъ людей, надобно пережить хоть одну арктическую зиму на Мурманѣ — ловить рыбу, охотиться на звѣря виикнуть во все подробности тяжелаго быта колонистовъ, на мѣстѣ познать нужны и недуги рѣдко населеннаго дикаго сѣвера и тогда лишь гечатно повѣдать міру новыя истины и провести „комментаріи“ имѣющіе значеніе, а скороспѣлые кабинетные наброски мало убѣдительны и могутъ только ввести читателя въ не-пріятное заблужденіе.

В. Робергъ.

144

-05

A 305
Yodur

